

МНО «НАУКА БЕЗ ГРАНИЦ»

Ежемесячный научный журнал

№ 1 (10) / 2016

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П.

- Азарова Э.Н. – д.ф.н.
- Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
- Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
- Незамичев К.К. – д.п.н.
- Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
- Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
- Поганяйло С.О. – д.филос.н.
- Самроский Д.Ю. – д.и.н.,
- Чижиков П.П. – д.п.н.
- Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
- Шелудько О.З. – к.ф.н.
- Шевцова О.В. – д.полит.н.
- Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Ответственный редактор:

д.фил.н. Андреева И.В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Международные индексы:

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

 Азарова Э.Н. – д.ф.н.

 Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН

 Михайлова Т.Н. – д. ф. н.

 Незамичев К.К. – д.п.н.

 Остюшкин Д.П. - д.ф.н.

 Петрусинская Н.Я. – д.п.н.

 Поганяйло С.О. – д.филос.н.

 Самроский Д.Ю. – д.и.н.,

 Чижиков П.П. – д.п.н.

 Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН

 Шелудько О.З. – к.ф.н.

 Шевцова О.В. – д.полит.н.

 Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Поляк З.Н., Поляк Д.М.

ДНЕВНИК ЮРИЯ СОФИЕВА КАК ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ИСТОЧНИК4

Тюрморезова С.А.

ДОРОГА К ОТЧЕМУ ДОМУ В ТВОРЧЕСТВЕ П.А.
СУХАНОВА 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Зиновьева Е.И.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В
СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ10

Мильбрет А.А.

«ЖИТЬ КАК В СКАЗКЕ»: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НОСИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА13

Поливарова З.В.,

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАЛЕНТНОСТИ
ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ У ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ.....16

Рюкина А.А.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПРОБЛЕМЫ «ГЕРОЯ» В МЛАДОЭМИГРАНТСКОЙ
ПРОЗЕ 1920-1930-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ
В ПРОЗЕ С. ШАРШУНА «ДОЛГОЛИКОВ») 22

Хруненкова А.В.

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И
ПОГОВОРКИ В ТЕКСТАХ «АТКРЫТОК» 26

Шугаева Е.А.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ
РЕЧЕВОГО АКТА ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ В ПЕЧАТНОЙ
ПРЕССЕ ФРАНЦИИ..... 29

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Поляк З.Н.¹, Поляк Д.М.²

ДНЕВНИК ЮРИЯ СОФИЕВА КАК ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК

¹кандидат филологических наук, доцент Казахского национального педагогического университета им. Абая, Алматы

²кандидат филологических наук, старший преподаватель Алматинского университета энергетики и связи, Алматы

Аннотация

Целью работы является историко-литературный и реальный комментарий к дневнику реэмигранта поэта Юрия Софиева. Его дневник – свидетельство очевидца и участника важнейших исторических событий XX века. В статье использованы структурно-описательный и биографический методы. Содержательная интерпретация записей дневника дополняется их жанровыми дефинициями. Основные результаты и выводы связаны с анализом жанрового полиморфизма дневника Ю. Софиева.

DIARY YURI SOFIEV AS A DOCUMENTARY SOURCE

Polyak Zinaida,

Candidate of Science, associate Professor

of Kazakh National Pedagogical University, Almaty

Polyak Dina,

Candidate of Science, Senior Lecturer of Almaty University of Power Engineering & Telecommunications, Almaty

Abstract

The aim of this work is literary-historical and real commentary to the diari of a remigrant of the poet Yuri Sofiev. His diary is the testimony of the eyewitness and the participant of important historical events of the twentieth century. In article structural and descriptive and biographic methods are used. Meaningful interpretation of records of the diary is supplemented with their genre definitions. The main results and conclusions are related to the analysis of genre polymorphism of the diary Yu. Sofiev.

Ключевые слова: дневник, документальный источник, жанровый полиморфизм.

Keywords: diary, documentary source, genre polymorphism.

Юрий Борисович Софиев (1899-1976) – русский поэт первой волны эмиграции. В 1920 г. в составе Добровольческой армии эвакуировался в Галлиполи, откуда попал в Югославию, а затем – во Францию. С 20-х годов жил в Париже, был участником «Союза молодых поэтов и писателей».

В 1955 г. Софиев вместе с отцом покойной жены поэтессы Ирины Кнорринг (1906–1943) историком Н.Н. Кноррингом (1880 – 1967) и сыном Игорем возвратился на родину и поселился в Алма-Ате. Работал в Институте зоологии АН Казахской ССР научным иллюстратором, участвуя в экспедициях по Центральной Азии. Публиковал стихи в журнале «Простор». Книга стихов «Парус» издана в Алматы в 2003 г. [1]. В 2013 г. вышло наиболее полное собрание стихов и прозы писателя – «Синий дым» [2].

Живя в Алма-Ате, Ю. Софиев переписывался со многими друзьями молодости и продолжал делать записи в дневнике, который он вел в течение многих лет. Дневники Ю. Софиева 1958–

1969 гг. хранятся в семейном архиве казахстанской писательницы Надежды Михайловны Черновой (р. 1947) – вдовы Игоря Юрьевича Софиева (19.04.1929–5.02.2005). Н. Чернова – редактор и публикатор дневника Ю. Софиева [3].

В дневниках поэта совмещаются два временных плана: настоящее (личный, бытовой, событийный аспекты) и прошлое (мемуарный, автобиографический, генеалогический).

В отличие от классического дневника, в жанровой природе которого важнейшее место занимает принцип фиксации текущих событий [4, с. 28], дневник Ю. Софиева по преимуществу обращен в прошлое. Мемуарный срез этого человеческого документа является ценным историческим источником, т.к. его автор был не только свидетелем, но и участником многих важнейших событий XX века.

Объектом рефлексии в дневнике стали революция 1917 года и гражданская война, гражданская война в Испании, движение Сопrotивления

в оккупированной фашистами Франции, сталинские репрессии в Советском Союзе, хрущевская оттепель и начало покорения космоса. Многие из этих событий были частью биографии Юрия Софиева. Накануне революции он окончил артиллерийское училище, продолжив дело своего отца, кадрового военного. За два дня до взятия Зимнего находился во дворце среди его защитников. В чине поручика был участником Белого движения, видел ужасы братоубийственной войны. Живя в эмиграции, зарабатывал на жизнь физическим трудом, участвовал в забастовках и митингах французских пролетариев. По точному выражению Ариадны Эфрон, эмигранты жили двойной жизнью – для заработка и для души. Жизнь для души у Ю. Софиева была необычайно насыщенной – он был активным участником литературного процесса русского зарубежья. Во время Второй мировой войны он помогал своим друзьям – участникам французского Сопротивления, а в 1943 был угнан на работу в Германию. Осмысление событий собственного прошлого стало лейтмотивом многих дневниковых записей.

В отдельную группу можно включить мемуарные портреты современников, яркими штрихами нарисованные в дневнике. На его страницах появляются Женя Сосинский, брат Владимира Брониславовича Сосинского, прозванный Алексеем Михайловичем Ремизовым «поэт Козелок»; актриса МХАТа Мария Алексеевна Крыжановская; известный деятель эсэровского движения Владимир Львович Бурцев; Илья Эренбург, встреча которого с писателями-эмигрантами произошла в Париже летом 1946 г., и многие другие.

Особое место в дневнике Ю. Софиева занимает семейная тема. Это генеалогические разыскания и наброски родословной Бек-Софиевых, портретные зарисовки старших родственников: отца, бабушки со стороны матери, дяди (брата матери) – Николая Николаевича Родионова, братьев Льва и Максимилиана Бек-Софиевых.

Исследователи отмечают, что самый близкий к дневнику автодокументальный жанр, – это письма [5, с. 7–9; 6, с. 68–71; 7, с. 171]. Важное место в корпусе дневниковых записей занимают черновики писем автора своим зарубежным и российским корреспондентам.

Письма с элементами мемуаров можно разделить (по типу адресата) на две группы: письма близким друзьям (Раисе Миллер, Виктору Мамченко, Ирине Владимировне Братус – знакомой по Старой Руссе, ещё с гимназических лет) и письма корреспондентам, обращавшимся к Ю. Софиеву с вопросами о событиях и деятелях русской эмиграции. Характер воспоминаний, их тематический круг, интонация и стиль в двух группах несколько отличаются.

Среди черновиков писем с ответами на вопросы о жизни русского литературного зарубежья 20-40-х гг. в дневнике обнаруживаются письма, адресованные литературоведам и писателям – исследователям этого периода. Среди них – Николай Павлович Смирнов (1898-1978), Полина Львовна Вайншенкер (1900-1988), Александр Николаевич Богословский (1937-2008), Леонид Натанович Чертков (1933-2000).

Уникальность мировоззрения Ю. Софиева связана с тем, что оно складывалось и эволюционировало на протяжении трёх этапов: детство и юность – в дореволюционной России; молодость и зрелые годы – в изгнании во Франции; завершение жизненного пути – после реэмиграции, в Советском Союзе. Свидетельство очевидца и участника важнейших исторических событий XX века, введённое в научный оборот благодаря усилиям Н.М. Черновой, стало полезным источником и объектом исследования для литературоведов (особенно – для специалистов по русскому зарубежью), историков, социологов. Литературоведческий подход даёт возможность (в числе прочего) выявить жанровые контаминации внутри документального жанра дневника.

Жанровый полиморфизм дневника позволяет увидеть отраженные в нем исторические факты в различном преломлении: мемуарном, автобиографическом, публицистическом, литературно-критическом, эпистолярном, философско-историческом, полемическом, поэтическом.

Цепкая память, внимание к деталям, здравый баланс объективности и эмоциональности, выстраданная гражданская позиция и, наконец, талантливая литературная форма – вот черты дневника Ю. Софиева, которые позволяют исследователю с доверием относиться к этому документальному источнику.

Литература

1. Софиев Ю. Парус. Стихи. Алматы, 2003.
2. Софиев Ю. Синий дым. Стихи и проза. Алматы, 2013.
3. Софиев Ю. Вечный юноша. Дневник. Алматы, 2012.
4. Поляк Д.М. Жанр дневника и проблемы его типологии // Дисс. ... канд. филол. наук. – Алматы: КазНПУ, 2004.
5. Егоров О. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. М.: Флинта: Наука, 2003.
6. Михеев М. Дневник как эго-текст. М.: Водолей, 2007.
7. Зализняк А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение, № 106 (2010). С. 162–180.

Тюрморезова С.А.

ДОРОГА К ОТЧЕМУ ДОМУ В ТВОРЧЕСТВЕ П.А. СУХАНОВА

кандидат филологических наук, преподаватель Сургутского политехнического колледжа,
г. Сургут

THE ROAD TO THE FATHER'S HOUSE IN THE WORKS OF P.A. SUKHANOV

Tyurmorozova Svetlana

*Candidate of Science, teacher of Russian of Language
and Literature Surgut of polytechnical college, Surgut*

АННОТАЦИЯ

Автор статьи раскрывает тему отчего дома в творчестве сургутского поэта П.А. Суханова на примере стихотворения «В родных местах».

ABSTRACT

The author of the article reveals the theme of a father's house in the works of Surgut's poet P. A. Sukhanov using as an example his poem "In his native place".

Ключевые слова: эстетическое национальное начало, утрата своих корней, связь с родной землёй, огонь домашнего очага.

Keywords: national aesthetic principle, the loss of their roots, connection with the native land, the fire of the hearth.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
А.С. Пушкин

Размышляя над страницами творчества сургутского поэта Петра Антоновича Суханова, поражаешься его умению сохранять остроту и свежесть чувств как результат пристальных наблюдений за жизнью, напряжённой работы беспокойного ума и души, его удивительной способности сохранять в своих стихах эстетическое национальное начало. Читая его стихи, легко перемещаешься в пространство искренних, порой бескомпромиссных строк, наполняя его своим личным опытом и памятью.

Так и со стихотворением «В родных местах», где раскрывается тема отчего дома, где звучат раздумья поэта о быстротечности и вечности жизни. Читаешь его и вдруг в какой-то момент понимаешь, что твоя душа созвучна внутреннему мироощущению персонажа стихотворения, что ты незаметно сливаешься с лирическим героем и отождествляешь себя с ним.

Стихотворение автобиографично. Поэт написал его уже в зрелые годы, вернувшись в 1998 году из поездки на родину – г. Волхова Ленинградской области, где прошли его детство и юность. Это была его последняя встреча с отчим домом, с родными могилами.

Размышляя над стихотворением Петра Суханова, невольно вспоминаешь строки В.М. Шукшина из его «Слова о "малой родине"»:

«А еще, парень, погляди на эту дорогу... Погляди, погляди... Внимательно погляди... Вот столбы туда пошагали. Послушай, подойди, как гудят провода. Еще погляди на дорогу... Не торопись. Может, и уйдешь, только не торопись. Везде хорошо, где нас нет – это не сегодня сказали. Здесь тоже неплохо». [1]

Это шукшинское предостережение «не торопись...» понимаешь позже, уже во взрослом возрасте, когда приходит время, подытожив пройденное, опереться на что-то в своей душе, чтобы жить дальше или умереть, если пришло твоё время. Вот тогда и встаёт в памяти далёкое:

Три дома на отшибе... И вокзал.
Да школа между улиц
В самом центре...

Предельно сдержанно, без лирической окраски рисует поэт картину родного городка, из которого он уехал, закончив строительный техникум в 1977 году. Она построена на приёме парцелляции, изобразительная функция которой направлена на то, чтобы художественно конкретизировать изображаемое, создать эффект замедленного кадра, выделить главные детали общей картины. Хочется взглянуть в каждый кадр и представить себе ту жизнь, которая была в этих местах, когда эти дома были наполнены жизнью, школа – звонкоголосой ребятнёй, магазин, расположенный в деревянном доме со скрипучими досками, встречал лирического героя стихотворения ароматом свежее испеченного хлеба. Манила за собой неизведанная дорога, рядом с которой, наверное, про-

ходила ЛЭП с деревянными столбами, и неширокая речка с суетливым озорством жуков-плавунцов звала на свои солнечные берега, а таинственный лес, начинающийся сразу за деревянным мостком через ручей не просто одаривал своими сокровищами – кормил.

Напротив школы – хлебный магазин...
А дальше – лес.
И речка по-за лесом...
Куда зимой – в каникулы – один
Я приходил на промысел с обрезом...

Автор скуп в выражении своих чувств. Читая эти строки, и встаёт перед глазами трудное детство подростка, выросшего без отца, оставшегося единственным кормильцем в семье. Время суровой школы жизни будущего поэта...

Текст стихотворения имеет свой отчетливый принцип внутренней организации. Он построен на сочетании картин далекого прошлого (воспоминаний персонажа о детстве) и картин настоящего (впечатлений, переживаний и раздумий вернувшегося после долгой разлуки на берега родной реки взрослого человека).

Лирический герой стихотворения, возвратившись родные места, держит путь на кладбище. Идёт по «старенькой дороге», мимо домов, вокзала, школы, хлебного магазина, мимо леса, речки. Мимо всего того, что сохраняет память человеческая навсегда, чем наполнена жизнь каждого человека от рождения.

Образ дороги, выполняя композиционную функцию, приобретает в стихотворении Петра Суханова символическое значение: это и конкретный маршрут героя, и его жизненный путь, и последняя дорога человека («Спешу домой по старенькой дороге!», «А где моя последняя дорога?», «Присяду «на дорогу» возле печки...»).

По-мужски немногословно передаёт он свои воспоминания о детстве:

Я часто в школе двойки получал,
Но были и хорошие оценки!..

И вот кладбище, где обрели покой его предки. Тонкое сплетение топографического компонента и жизненного пути рождает мысль о неразрывной связи между прошлым и будущим.

Зрительный кадр сливается с рядом душевных движений, образуя тему кровного родства, нераздельного единства с родной землёй:

За речкой
Наше кладбище. Оно
И летом, и зимой – покойно. Вечно...
Лишь здесь я понимаю, как давно

Мы связаны с Отечеством сердечно!

Затем обратный путь с погоста: по дороге к речке, через лес, к деревне, в отчий дом.

Скорей-скорей!.. И в горле стрянет ком –
А где
моя последняя дорога?!
За речкой – лес. За лесом – отчий дом!..
И – ни души у отчего порога!..
Я, торопясь, ступаю на крыльцо.
Толкаю дверь незапертую
нервно...
И – тишина, как ковш воды в лицо:
Пронзительна. Страшна. Неимоверна.

В этих сухановских строчках слышится рубцовское обостренное чувство необратимого движения к концу – через утраты.

П.А. Суханов использует различные художественные средства, позволяющие сделать изображённую поэтическую картину выразительней, раскрыть чувства лирического героя. И лексический повтор "скорей-скорей", и многоточие, за которым – раздумья персонажа, и метафора "в горле стрянет ком", и короткие назывные предложения – всё усиливает напряжённость поэтических строк, передаёт ожидание встречи персонажа с родным домом.

Знак тире, выполняя различные функции в тексте, обусловлен стремлением автора обозначить смысловые центры, наиболее важные образы в поэтическом высказывании: «За речкой – лес. За лесом – отчий дом!..», «И – ни души...», «И – тишина...».

Трагичен в стихотворении поэта образ осиротевшего дома, лишённого света и тепла, погружённого во тьму, где нет «ни души». Но оставленный дом ждёт хозяина, его ждёт отчий порог, ждёт незапертая дверь. Да ведь и лирический герой чего-то ждёт, на что-то надеется, торопится, нервничает, вот уж поистине "но сердце верит в чудеса"...

Сравнение: «И – тишина, как ковш воды в лицо» помогает понять душевное состояние персонажа: захлестнувшее его горькое чувство неприкаянности, бездомности, утраты Дома – «основы "самостоянья", человечности человека, "залога величия его", осмысленности и неодиоличества существования». [2, с. 198].

В этой тишине будто слышишь мысли другого персонажа, героя книги Владимира Крупина «Отец, я ещё здесь»: «... не занимайся фантазиями – ты последний раз в земной жизни стоишь у дома отца» [3, с. 48]. Здесь слышится и есенинское:

*Да! Теперь – решено. Без возврата
Я покинул родные края.*

*Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя...*

П. Суханов, описывая нежилой дом, использует приём градации, сгущающий эмоциональный накал строк:

Как пусто всюду!..
Пусто и темно.
И даже свет из окон не проходит!..

Единый эмоциональный тон этих и предыдущих строк стихотворения, созданный лексическим повтором слова *пусто*, сопряжённого с наречием *темно*, усилительные частицы *как*, *даже*, *и*, градация, используемая автором в описании дома и тишины (*пронзительна, страшна, неимоверна*), делают эти строки апокалиптическими.

По словам В.Я. Лакшина, «дом – это традиция, норма жизни, неразрушенная культура», а «бездомье» – это потеря традиции, жизни и разрушение культуры [4].

«Образ родного Дома – концептуально важное понятие в творчестве русских классиков. Именно родной Дом является главной составной частью в создании автором особого образа своей Родины. Ощущение себя НА родине или ВНЕ ее может в значительной мере влиять на внутреннюю гармонию человека, его отношение к себе и окружающим, к своей истории, предкам, своей земле», – пишет А. Шуклин в статье «Образ дома в русской классике: проблема научного подхода» [5, с. 221].

М. Волошин скажет в одном из своих стихотворений:

Я принял жизнь и этот дом как дар
Нечаянный – мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею [6].

С какой болью и горечью констатирует утрату этой связи («принял ...дом – усыновлён землёю») персонаж стихотворения «В родных местах»:

Дом брошен... Да и я, выходит,
Не нужен здесь
Уже давным-давно!..

Эта же мысль звучит в «Поэме без героя. Триптих» А.Ахматовой:

А веселое слово дóма –
Никому теперь незнакомо.
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,

И изгнания воздух горький –
Как отравленное вино [7, С. 464].

Свет – первое Божье творение. Он имеет власть разгонять зло и силы тьмы. Но воскресить жизнь уходящего в небытие осиротевшего дома невозможно: «Дом брошен...».

Т. Радомская, осмысляя феномен Дома в комедии «Горе от ума» пишет, что он «воспринимается ... как духовное пространство, в котором соединяются ... усопшие и живые» [8, с. 64-65].

Это помогает нам понять, почему в образной палитре стихотворения появляется образ свечи, древнейшего символа человеческой судьбы. Но он не является символом тепла, света и жизни. В стихотворении Петра Суханова это «скорбная и тоненькая свечка» в память об усопших родных, о доме, это последний огонёк домашнего очага.

Ну, вот и всё... Сейчас
приду в себя,
поставлю
скорбную и тоненькую свечку...
Присяду «на дорогу» возле печки...

Поэт передаёт внутреннее состояние персонажа фразеологизмом "прийти в себя", который имеет значение «обрести, восстановить свою способность думать, соображать, чувствовать, очнуться, опаматоваться». И мы понимаем, что чувство вины и ответственности за случившееся не оставляет героя и автора стихотворения.

Тяжело прощание персонажа П.А. Суханова с отчим домом, искренне, глубоко сыновнее чувство любви к той земле, которая взрастила, вывела в люди, закалила в трудностях, научила любить жизнь во всех её проявлениях, любить людей, труд, природу, родной язык.

Завершающая строфа стихотворения заканчивается авторским приговором-констатацией:

Ну, вот и всё!.. / Я сам себе судья.

«Дом без хозяина» как архетипический образ эпоса всегда символизировал в русской литературе антропологическую идею неудавшейся судьбы, несостоявшейся жизни, неисполненной надежды.

На первый взгляд, не так уж много и нужно, чтобы родительский дом ожил. Об этом ясно говорят строки стихотворения А. Тарковского «Жизнь, жизнь» (1965):

Живите в доме – и не рухнет дом.

Но жизнь не стоит на месте, и лирический герой стихотворения «В родных местах» мог бы, наверно, воскликнуть вместе с персонажем стихотворения А. Тарковского:

За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

И вот Дом умирает, а вместе с ним и человек утрачивает что-то родное, сокровенное, святое. Понимание этой утраты звучит в стихотворении «Я нарисую старый дом» другого современного поэта иеромонаха Романа. Это дом, который остался уже только в памяти лирического героя:

Гляжу в окно на белый свет –
И дома нет, и храма нет.

Эту приметку времени – утрату своих корней, связи с родной землёй, Дома как чего-то священного (храма) в душе человека и почувствовал сургутский поэт.

Стихотворение написано пятистопным ямбом с многочисленными включениями пиррихия, что увеличивает вариативность стихотворения, с чередованием мужской (в нечётных строках) и женской (в чётных строках) рифмы. Но автор допускает и отступления, в результате чего ритм ломается, придавая поэтическому высказыванию живость разговорной речи, выражение сильных душевных переживаний и чувств.

Строфа - четверостишие с перекрёстной системой рифмовки. В последних двух катренах рифма кольцевая (охватная). Это меняет существующий в предыдущих катренах ритм. И удвоенная лексическая анафора «Ну вот и всё», и кольцевая рифма, используемая автором стихотворения, подчёркивают невозможность возрождения жилища, придают законченность авторской мысли-приговора.

Пронзителен образ лирического героя стихотворения со «скорбной и тоненькой свечкой» в руках. Но вопреки всему так хочется думать, что этот огонёк, зажжённый в родительском доме, – свет во тьме. Озарение. Живительная сила. Надежда. Ведь иногда одной маленькой свечи достаточно, чтобы разомкнулась тьма, чтобы не прервалась связь поколений.

В очередной раз смиренно склоняю голову перед поэтическим талантом замечательного русского поэта П.А. Суханова.

Стихи живут и отзываются в сердце, и вынимают из него русского человека. Петра Антоновича уже нет с нами, а его сердце, его душа, его гений светят и причащают, зовут задуматься о главном...

Литература:

1. [Электронный ресурс] / Василий Шукшин. «Слово о малой родине». Режим доступа: russkoekino.ru/publ/publ-0024.shtml
2. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба / В. С. Непомнящий. – М. : Сов. писатель, 1987. – 390 с.
3. Крупин В. Н. «Отец, я ещё здесь». Журнал «Наш современник», № 10, 2005.
4. Лакшин В. Я. О доме и бездомье: Александр Блок и Михаил Булгаков / В. Я. Лакшин // Литература в школе. – 1993. – № 3. – С. 13–17.
5. Молодой человек в системе современного образования: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Н. Васильева. – Тюмень: "Печатник", 2011. С. 221-227.
6. [Электронный ресурс] / М.А. Волошин. Режим доступа: <http://liricon.ru/dom-poeta.html>.
7. «Поэма без героя. Триптих», 1940-1962 Ахматова А.А. Стихи и проза / А.А. Ахматова; составитель Б.Г. Друян. Ленинград: Лениздат, 1976. - 616 с.
8. Радомская Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в. Опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. – 240 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Зиновьева Е.И.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

профессор, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург

SOME FEATURES OF RUSSIAN STABLE COMPARISONS USE IN SPORTS DISCOURSE

Zinovieva E.I.

professor, Doctor of Philology, Professor of St. Petersburg State University, St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются некоторые современные тенденции употребления русских устойчивых сравнений в спортивном дискурсе. Автор уделяет внимание пополнению состава этого пласта фразеологии, расширению сочетаемости единиц, формированию новых значений, изменению коннотации сравнений в спортивном дискурсе по сравнению с общеязыковой коннотацией. Рассматриваются наиболее частотные основания сравнений и используемые эталоны.

ABSTRACT

The article analyzes some of the current trends of Russian stable comparisons use in sports discourse. The author pays attention to the replenishment of this layer of phraseology, expand the combinability of units, formation of new values, changing the connotations of the comparisons in the sports discourse in comparison with the common language connotation. It describes the most frequent bases for comparisons and standards used.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, основание сравнения, спортивный дискурс, эталон, сочетаемость.

Keywords: stable comparison, base of comparison, sports discourse, standard, combinability.

Сравнение занимает необычайно важное место в познании и языке, являясь одним из способов отражения языковой картины мира народа, что закреплено в устойчивых сравнениях. У представителей одной и той же лингвокультурной общности вырабатывается «система образов-эталон» [5, с. 241] и оснований сравнений. Устойчивые сравнения (УС) – это один из объемных и постоянно пополняемых, находящихся в развитии пластов русской фразеологии, чутко реагирующий на изменения в экстралингвистической действительности. В спортивном дискурсе сравнения, как и фразеологизмы в целом, претерпевают изменения по сравнению с их составом, семантикой, формой и сочетаемостью в языке в целом.

Материалом для исследования послужили данные словарей устойчивых сравнений русского языка В.М. Огольцева [4], В.М. Мокиенко [1], В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [2], материалы «Национального корпуса русского языка» [3].

Рассмотрим некоторые особенности употребления сравнений в спортивном дискурсе.

Как и в речи в целом, в спортивном дискурсе входят в употребление и становятся устойчивыми новые сравнения, не зафиксированные в

словарях. Например, *бросаться/ броситься (прыгать / прыгнуть) как пантера*: «Но с убойной позиции форвард "Локо" мажет—глыба Фаунтин как пантера бросился на шайбу и угрозу отвел» (Артем Лисовский, кр.ру. 'Лада' подрезала 'Локомотив' // Комсомольская правда, 2008.03.09) [3]; «Блеснул исполнением пенальти капитан клуба Дмитрий Лоськов, а умением прыгать, как пантера, Сергей Овчинников» (Павел Садков. «Локомотив» прокатился по «Тереку» // Комсомольская правда, 2005.03.08) [3]; «Штиль прыгнул отчаянно, как пантера, но поздно—2: 0!» (Павел Садков, Игорь Емельянов, Артем Гусятинский. Покажем миру япону мать! // Комсомольская правда, 2001.10.08) [3].

Что касается устойчивых сравнений, зафиксированных в словарях, то они расширяют свою сочетаемость, что способствует формированию нового значения. Так, УС *делать что-л. как орехи (орешки) щелкать* имеет значение 'о быстром, ловком, необычайно легком и непринужденном решении чего-л. (задач, примеров и т.п.)' [1, с. 298]. Например: «Скажем, вы освоили дома определенный тип задач и щелкаете их как орешки» (Наталья Коршунова. Что у них в голове (2002) //

«Домовой», 2002.09.04) [3]. Данное УС в последние годы начинает активно употребляться в СМИ в политическом и спортивном контекстах, расширяя сочетаемость: «Потому что, повторяю, Элла, как публичный политик с огромным опытом, как орешки щелкает такого рода конфликтные ситуации и даже умеет заряжаться энергией от борьбы» (Александра Белуза. Право на отдых Эллы Памфиловой // Известия, 2010.08.02) [3]; «Когда я была маленькая, я тоже щелкала прыжки как орешки» (Макарова лучше олимпийской чемпионки // Советский спорт, 2010.03.27) [3]. В ряде случаев расширение сочетаемости в спортивном контексте (*щелкать как орешки кого*) является базой для формирования нового значения данного УС – ‘легко побеждать’: «Среднячков и аутсайдеров команда Луиса Фелипе Сколари щелкает, как орешки, а вот у других клубов «большой четверки» – «Ливерпуля», «МЮ» и «Арсенала» – выиграть никак не может» (Тарасенко И. «Челси» теряет деньги и очки. Клуб Романа Абрамовича, старающийся экономить, проиграл лондонское дерби «Арсеналу» // Советский спорт, 2008.12.01) [3]; «Порой теннисный аппетит приходит к участникам крупных турниров во время игры, и после вялого начала трапезы на корте к концу соревнований они начинают щелкать соперниц как орешки» (Николай Ивашов. Женщины с ракетками // РБК Daily, 2009.09.03) [3].

Синонимом к рассмотренному УС является сравнение *щелкать как семечки*: «Трудные задачи школьники действительно щелкают как семечки» (Знания до Москвы доведут // Труд-7, 2005.07.26) [3]. В употреблении этого УС наблюдаются те же тенденции, что и отмеченные выше для УС *щелкать как орешки*. *Щелкать как семечки* активно начинает использоваться в публицистическом дискурсе спортивной тематики, расширяя свою сочетаемость и формируя новое значение: «Надя продолжает щелкать ситуации, возникающие на корте, как семечки» (Зильберт А.. Надежда ушла и осталась. Надежда Петрова уступила в четверть финале Елене Дементьевой, которая продолжит борьбу за титул // Советский спорт, 2010.06.02) [3]; «Крепкий спортсмен щелкал как семечки своих соперников, став в итоге победителем турнира» (Артем Лисовский. «Комсомолка» наградила самых сильных рукоборцев // Комсомольская правда, 2009.02.25) [3].

Негативно коннотированные УС в спортивном дискурсе изменяют свою коннотацию. Так, например, УС *впиваться/впиться (цепляться/вцепиться) в кого, во что как клещ* просторечно по стилистической принадлежности и носит неодобрительный характер [1, с. 168]. Но следует отметить, что при употреблении в СМИ, когда речь идет о спорте, УС утрачивает отрицательную

оценку: «Борис Веригин, как клещ, впивался в соперников, в одного за другим, и мог так впиваться целый период без замены» (обозреватель «Советского спорта» Юрий Цыбанев. Прощание с Воскресенском. «Химик» провел последний матч в родном дворце. В ноябре команда переедет на новую арену в Мытищи // Советский спорт, 2005.10.31) [3]; «Но Старостяк вцепляется в бразильца, как клещ» (Михаил Солдатов. Эксперименты ЦСКА. Валерий Газзаев оставил лидеров в запасе и поплатился поражением // Советский спорт, 2004.08.16) [3]. В таком употреблении выражение акцентирует настойчивость, упорство в достижении цели.

УС *приставать, липнуть, привязываться; цепляться* (прост.) *к кому-либо как репей [репейник]* имеет значение ‘донимать кого-либо просьбами, требованиями, назиданиями или праздными разговорами’ [4, с. 549]. При употреблении сравнения в интересующем нас дискурсе оно теряет отрицательную оценку, обозначая профессиональное конкурентоспособное поведение спортсмена: «Он предельно жестко реагировал на выпады Ибрагимова и, нанеся несколько ударов, мгновенно, как репей, прилипал в клинче к своему сопернику» (Ярослав Коробатов. Друг Тайсона пожалел уши Холифилда // Комсомольская правда, 2007.10.15) [3].

Самыми частотными основаниями сравнений являются *сражаться и биться*, что объясняется «военизированностью» дискурса, перенесением военной терминологии и военных метафор в сферу спорта, особенно это касается игровых видов спорта.

Например: «Вот и в игре с португальцами Франк бился как зверь, все время был в движении, в атаке, борьба на поле поглотила его полностью» (Трушин Георгий. Боевые петушки заклевали португальцев // Труд-7, 2006.07.07) [3]; «Мощный форвард бился, как лев и под своим, и под чужим кольцом» (Артем Лисовский. «Красным Крыльям» подарили шанс пробиться в плей-офф // Комсомольская правда, 2010.04.20) [3]; «И даже молодой Папаниколау бьется, как тигр, без страха в глазах, без тени сомнений в собственных действиях» (Николай Мысин. Огонь «Олимпиакоса» // Советский спорт, 2013.05.13) [3]; «Израильтяне под своим кольцом бьются, как волки, а армейцы губят любую возможность набрать первые очки» (Мысин Н. Оглушили... Бушующие трибуны дворца в Тель-Авиве заставили армейцев дрогнуть и уступить «Маккаби» [Видео] // Советский спорт, 2009.11.07) [3]; «Три сета подряд Веркерк корчил страшные рожи, сражался, как зверь, и дожал-таки испанца» (Валентина Львова. Постарели душой ветераны // Комсомольская правда, 2003.06.04) [3]; «А когда Сидни получает

травму, Женя берет всю игру на себя. Он *сражается как лев*. Но Овечкину мало просто победить» (Межеричский О. Не свистите на Сашу! Александр Великий под нещадный свист публики вырвал победу у «Пингвинов». Западная и Восточная конференция // Советский спорт, 2009.01.16) [3].

При этом эталонами сравнений являются зоонимы – наименования диких опасных животных: гипероним *зверь*, а также *лев, тигр, волк*. В качестве окказионального выступает сравнение с эталоном *собака*: «Общение с лидерами «горожан» до и после матча посредством смс-сообщений помогло узнать, кто на тренировках «Москвы» *бьется, как собака*, знает ли слово «Спартак» сын Александра Шешукова и чего команде Миодрага Божовича не хватило для очередной победы над красно-белыми» (Савоничева Е.. «Божович сказал: «Претензий нет...» // Советский спорт, 2009.08.18) [3].

Частотно также сравнение с эталоном-мифологемой *черти*: «*Бились как черти*, втыкались озверело, начисто выиграв силовую борьбу» (Беляков К.. Мозякин сказал Череповцу «До свидания!»). Единственный гол капитана «Атланта» вывел подмосковную команду в следующий раунд // Советский спорт, 2011.03.04) [3]; «На нынешнем пока громим всех подряд, но соперники *бьются, как черти!*» (Дмитрий Туманов. Вот ведь артисты! Третий по счету, чемпионат мира среди артистов проходит в Москве // Советский спорт, 2013.06.10) [3]; «Я обнаружил для себя закономерность, при которой команды из стран бывшего Союза или соцлагеря типа Украины, Словакии, Чехии, Венгрии, Румынии если попадают на нас в группу, то все без исключения *бьются, как черти*, против России» (Александр Боярский Кирилл Снастин, Екатерина Солдатенкова. Голкипер «Динамо» Сергей Овчинников: Вернусь в «Локомотив». Главным тренером! // Советский спорт, 2005.12.08) [3]. В данном сравнении существительное *черти* выступает как обобщающий эталон для выражения интенсивности, оценки высокого качества. Ср. также при описании игры спортсмена – *играл как Бог*: «Кавазашвили *играл, как бог* – брал труднейшие мячи, но в итоге все равно нам забили» (Сергей Егоров. «Ну, договорняк, берегись!» Руководители экспертного совета рассказали о технологии странных матчей и о том, как их раскрыть // Советский спорт, 2012.04.24) [3]; «А Вольнов *играл как бог*. Забивал в кольцо с любой дистанции» (Зангалис К.. Прощай, дядя Степа... Ушел из жизни великий баскетболист Геннадий Вольнов // Советский спорт, 2008.07.16) [3].

Сближение с военной сферой подтверждают следующие сравнения: «Но Флери *бился, как защитник Брестской крепости*, – храбро, до

победного конца» (Лысенков П.. «Детройт» не потерпел 35 секунд... «Крылья» в конце третьего периода позволили «Пингвинам» сравнять счет, а в третьем овертайме упустили победу // Советский спорт, 2008.06.04) [3]; «Первый раунд. Второй поединок, как и накануне, они *бились, как гладиаторы в древнем Риме*, не отпуская оппонента больше чем на гол» (Беляков К. Месть «Атлантов». Мытищинцы берут реванш и в Ярославле начнут серию с чистого листа // Советский спорт, 2010.03.12) [3]; «Ирландцы даже в гостевых матчах *бьются, как мушкетеры с гвардейцами*, а уж при своих болельщиках «Шемрок» наверняка не будет щадить ни себя, ни соперника» (Дина Беляева. В Лиге Европы от «Локомотива» и «Рубина» ждут победы // РБК Дейли, 2011.09.15) [3]; ««Самое яркое игрока у вас не было. Вся команда *билась как «морские котики!»*» – сказал центровой соперника Даниель Сантьяго, вспоминая о спецназе ВМФ США» (Лысенков П., Мысин Н. «Морские котики». Так пуэрториканцы называли игроков сборной России, бившихся по законам спецназа // Советский спорт, 2010.08.30) [3]; «Или *бьются, как камикадзе*, или по полю прогуливаются – третьего не дано» (обозреватель «Советского спорта» Юрий Цыбанев. Детские игры // Советский спорт, 2005.12.14) [3].

Агрессивностью анализируемого типа дискурса объясняется наличие сравнений с основаниями *вцепляться* и *вгрызаться*. Эталонами являются наименования собак. Это, прежде всего, *бульдог*, как эталон устойчивого сравнения, отмеченного в словарях, а также продолжение «собачьего ряда» – *терьер*: «Он стал брать паузы, пытался отбегаться на ногах, но это именно то, чего нельзя делать с Байсангуровым, который сразу *вцепляется в жертву, как бульдог*» (Владимир Гендлин-младший. Чеченец Байсангуров победил чернокожего француза // Известия, 2012.05.13) [3]; «Виталий Фридзон *вгрызается* в соперников *хваткой бульдога*» (Зангалис К. «Химки» спешат в евролигу. Подмосковный клуб, обыграв в упорном поединке «Памесу», вышел в полуфинал кубка Европы // Советский спорт, 2009.04.04) [3]; «Отбирает шайбы, блокирует броски, *вцепляется* в соперников, *как терьер*... В сборной такие бойцы нужны, считает корреспондент «СС» в Нэшвилле Василий Сушарин, который взял блиц-интервью у Маркова» (Маркова позвали в Турин? // Советский спорт, 2005.12.22) [3].

Таким образом, в результате проведенного анализа можно отметить, что в спортивном дискурсе появляются новые сравнения, приобретающие статус устойчивых. Традиционные русские устойчивые сравнения расширяют свою сочетаемость, за счет чего формируются новые значения.

С проникновением военной метафоры в спортивную сферу и агрессивностью дискурса в целом связана частотность сравнений с основаниями *биться и сражаться, вцепляться и вгрызаться*. Эталоном подобных сравнений выступают зоонимы – хищные животные, а также наименования реалий, исторически восходящих к войнам или военным поединкам.

Список литературы

1. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. Санкт-Петербург: Норинт, 2003. 608 с.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой

словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

3. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/)

4. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка / В.М. Огольцев. М.: «Русские словари», 2001. 800 с.

5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. М.: Издательство Школа. Языки русской культуры, 1996. 230 с.

Мильбрет А.А.

«ЖИТЬ КАК В СКАЗКЕ»: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

кандидат филологических наук, ассистент кафедры Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург

'TO LIVE AS IN A FAIRY TALE': VERBALIZATION OF RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS STEREOTYPICAL NOTIONS

Milbret A.A.

Candidate of philological Sciences, Assistant of St. Petersburg State University,

St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются стереотипные представления, существующие в русском языковом сознании, вербализованные устойчивым сравнением «жить как в сказке». Проводится семантический анализ единицы, выявляются особенности функционирования выражения в современном русском языке. Исследование проводится на основании словарных дефиниций, контекстов использования в разных типах дискурса и данных эксперимента.

ABSTRACT

The article reveals stereotypical notions in Russian linguistic consciousness, that are verbalized by a stable comparison "to live as in a fairy tale". It presents the semantic analysis of the unit, reveals functioning features of the phrase in modern Russian language. The research is based on dictionary definitions, contexts of use in different types of discourse and the experimental data.

Ключевые слова: устойчивое сравнение; семантическая составляющая; стереотипные представления; языковое сознание; контекст.

Keywords: stable comparison; semantic component; stereotypical notions; language consciousness; context.

Устойчивые сравнения (УС) являются средством познания и оценки окружающей действительности. Сравнивая, «уподобляя абстрактное конкретному, мы познаём окружающий мир и одновременно образно его характеризуем» [2, с. 4]. В. М. Мокиенко справедливо полагает, что «образность и яркость позволяют предпочесть экономное и точное сравнение длинному и расплывчатому описанию» [3, с. 4]. Результатом неповторимости каждого образа является возникновение «особой семантической дифференцированности» устойчивых сравнений, которую Б. А. Ларин характеризовал как «добавочность смысла» фразеологизмов [3, с. 4; 1, с. 105].

Образы, которые лежат в основе формирования устойчивых сравнений, являются общепонятными и представляют собой явления окружающей жизни, животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека или духовной сферы жизни, например мифологии [3, с. 4].

К духовной сфере жизни, в частности к мифологии, относится частотное по употреблению УС *жить как в сказке*. В словарях устойчивых сравнений его значение определяется следующим образом: «о чьей-либо необычайно интересной, удивительной, возвышенно идеальной и в то же

время материально роскошной жизни» [3, с. 389]; «о чьей-либо необычно интересной, удивительной и богатой жизни» [4, с. 614]. Словари отмечают одобрительную коннотацию данного УС.

Результаты анализа контекстов показали, что основной компонент значения описываемого УС – это материальная составляющая, ‘богатая жизнь’. Например:

«Живу как в сказке

В любви и ласке

Крутая тачка

И денег пачка

Пиджак «Версаче»

И галстук «Прада»

По жизни Мачо

Что еще надо?»

(<http://www.neizvestniy-geni.ru/cat/music/shanson/127187.html>) [8].

Профессиональная реализация также важна, но опять же, в том числе и потому, что приводит к улучшению уровня благосостояния. Например: «Скажу еще одну парадоксальную вещь – я очень рад в этом сезоне за Александра Овечкина – одну из визитных карточек нашей сборной. Переварили? Теперь объясню, почему. До Олимпиады в Ванкувере Александр жил, как в сказке. В России – чемпионство с «Динамо» в 2005-м. В НХЛ – звание лучшего новичка, суперконтракт на 124 миллиона и всевозможные призы. В сборной – золотая медаль Квебека» (Понмаренко Д. Не надо реванша! // Советский спорт, 2010.05.11) [5].

Противоречивым представляется взгляд на необходимость прилагать какие-либо усилия для того, чтобы жить как в сказке. С одной стороны, важным является отсутствие каких-либо забот, а с другой, необходимо трудиться, чтобы добиться такой жизни, ср.: «Было это давно, может года два назад, когда я решил, что больше так не вынесу, и я принялся изучать интернет и некоторые книжки, ища ответы на глубоко сидящие вопросы. До этого я жил как в сказке, благо ответственность отсутствовала. Живу я в живописном месте Флориды, недалеко от пляжа. Вот уже несколько лет. Погода отличная круглый год» (Филип Витог. Янтра-йога // «Пятое измерение», 2003) [5]; «На мой взгляд, жить как в сказке, означает жить без забот и хлопот. Все в чем нуждается человек, легко ему достается. Как по мановению волшебной палочки или "по щучьему велению, по моему хотению". Человек, живущий как в сказке, думает, что все и остальным людям достается легко, как и ему. Действительно как в сказке» (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/68139-chto-znachit-zhit-kak-v-skazke.html>) [6]. Противоположное мнение о необходимости прилагать усилия и чем-либо

жертвовать представлено следующим образом: «Жить как в сказке можно, хоть этого не так просто добиться. Сложно прийти к такому способу жизни, а так же сложно будет сохранить созданный порядок вещей. Но затраченные усилия того стоят, и при достижении желаемого результата жизнь становится прекрасной» (<http://mlm-tiens.com/2014/06/27/zhit-kak-v-skazke-ili-passivnyj-doxod-chast-1/>) [7]; «Устав от многочисленных проблем, многие люди восклицают, что надоело все, хочу жить «как в сказке». А что такое сказочная жизнь? Давайте рассмотрим ее подробнее. Во-первых, это, скажете вы, чтобы все мои желания выполнялись. А разве этого нельзя достичь в реальной жизни? Как сказал, один философ, «трудное – это то, что можно сделать немедленно, а невозможное требует немного больше времени». Следовательно, чтобы все желания выполнялись, надо просто много работать головой, руками и ногами» (http://samlib.ru/g/grachikowagrishaew_i_a/publ21.shtml) [10]; «Грешная: мне кажется, тот, кто живет как в сказке, чем-то пожертвовал, все не просто так в жизни дается» (<http://www.woman.ru/relation/men/thread/4038139/>) [12]. Интересно, что, несмотря на сложность получения положительного результата, он видится достижимым.

‘Чувство сильного интереса к работе, стремления к новым знаниям’ также является одним из компонентов значения УС жить как в сказке. Например: «Анатомия и физиология, химия и физика, гистология и особенно практические занятия по анатомии приоткрыли для Бурденко столь пленительные горизонты, что он «некоторое и довольно продолжительное время, по его словам, жил как в сказке». — Боже мой, я же мог умереть и не узнать всего, что я здесь узнаю, — говорил он, плененный все новыми и новыми знаниями о человеке, о его строении и жизнедеятельности, о составных частях его организма и, наконец, о самом себе. Теперь он получал особое удовольствие оттого, что каждый живой человек, встреченный им, каждый его знакомый как бы просвечивался насквозь перед ним, со всеми суставами и костями, мускулами и нервами. И каждое движение людей, каждое сокращение их мускулов можно было обозначить по-латыни» (Павел Нилин. Интересная жизнь, 1969-1980) [5].

УС жить как в сказке встречается в контекстах также и для описания внутреннего гармоничного состояния человека, психологического комфорта, наличия жизненных целей, ср.: «Она – доцент, он – молодой аспирант. Через полгода общения они понимали друга друга без слов. Как будто были знакомы сто лет. Родственные души жили как в сказке: в мире и согласии. Без дурацких

бытовых передряг. Им было безумно интересно вместе. Всегда (Ермакова Мария. ВОЗРАСТ ЛЮБВИ // Труд-7, 2002.01.14) [5];

«Я – человек! Живу как в сказке.

Мне есть во что верить, чего ждать, чем жить.

И сказка эта будет вечно продолжаться,

И вечной будет в сказке моя жизнь.

Я в сказку верю: на её поляне

Я растянулся. И прекрасна жизнь.

На ней лежу. Ну а она лукаво

Травинкой по щеке меня смешит»

(<http://russianpoetry.ru/stihi/tvorchestvo/ja-chelovek-zhivu-kak-v-skazke.html>) [9].

Интересно, что встречается также и употребление УС *жить как в сказке* с расширением – чем дальше, тем страшнее, вносящем иронию. Например: «Живем как в сказке: чем дальше, тем страшнее. Цены растут. Зарплата падает. Постепенно холодает. Осень вступила в свои права. А это значит – скоро отопительный сезон. Только его, судя по всему, не будет. Топить нечем. А правительство, кажется, считает, что и незачем» (<http://www.segodnia.ru/content/147976>) [11].

Нами был проведён эксперимент на знание и использование в речи УС *жить как в сказке*. Опрос был проведён среди современных носителей русского языка от 18 до 64 лет, преимущественную часть опрашиваемых составили молодые люди до 33 лет. Было опрошено 50 человек. Результаты проведённого эксперимента показали, что большинству информантов знакомо данное УС, и они употребляют его в разговорной речи. Участникам опроса было также предложено ответить на вопрос, как они понимают УС *жить как в сказке*? Было предложено четыре варианта ответа, среди которых нужно было выбрать только один, самый значимый, на их взгляд. Варианты были следующими: 1) жить в гармонии с собой и окружающими (15 ответов); 2) жить роскошной, обеспеченной жизнью (15 ответов); 3) жить праздной жизнью, не прилагать усилий и достичь благополучия, счастья (15 ответов); 4) упорно трудиться, чтобы достичь такой жизни (5 ответов).

Полученные результаты показали, что основной компонент значения УС *жить как в сказке* носители современного русского языка в равной степени видят как в материальной, так и в психологической составляющей. При этом, ряд ответов сопровождается следующими комментариями: вариант 1 – *трудиться, конечно, тоже надо, но гармония прежде всего; несомненно гар-*

мония; богатство не всегда даёт счастье; вариант 2 – мир таков сегодня; так как всё даром: еда, одежда, дворец, карета и т.п.

Таким образом, исследование контекстов разговорной речи, художественной литературы, публицистики, а также проведённый эксперимент позволили выявить стереотипные представления носителей современного русского языка, вербализованные УС *жить как в сказке*. Основной семантической составляющей УС *жить как в сказке* является ‘богатая жизнь’, при этом значимым оказывается и ‘ощущение внутренней гармонии’, которое может быть выражено в наличии жизненных целей, интересов, хороших межличностных отношений. УС *жить как в сказке*, как правило, употребляется с положительной оценкой, при расширении компонентного состава УС (*чем дальше, тем страшней*) оно употребляется иронически. Представления о необходимости работать для достижения результата и отсутствии такой необходимости равным образом актуализируются в проанализированных контекстах. Однако данные опроса свидетельствуют о том, что большинство информантов отдадут предпочтение беспечной жизни, при которой нет необходимости трудиться.

Список литературы

1. Ларин А.Б. Очерки по фразеологии//Л.Ларин/Уч.зап. ЛГУ. Серия филол. наук. Л., 1956. – Т. 198. Вып.24. – С. 105
2. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь / Л.А.Лебедева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 316 с.
3. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. Санкт-Петербург: Норинт, 2003. 608 с.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
5. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/)
6. <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/68139-что-значит-жить-как-в-сказке.html>
7. <http://mlm-tiens.com/2014/06/27/zhit-kak-v-skazke-ili-passivnyj-doxod-chast-1/>
8. <http://www.neizvestniy-geni.ru/cat/music/shanson/127187.html>
9. <http://russianpoetry.ru/stihi/tvorchestvo/ja-chelovek-zhivu-kak-v-skazke.html>
10. http://samlib.ru/g/grachikowagrishaew_i_a/publ21.shtml
11. <http://www.segodnia.ru/content/147976>
12. <http://www.woman.ru/relations/men/thread/4038139/>

Поливарова З.В.,

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАЛЕНТНОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ У ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

*Д.филол.н., проф.,
Тюменский государственный университет,*

PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF VERB VALENCY LEXICON IN BILINGUAL CHILDREN

Polivara Z. V.,

Doctor of Philology.N.,

Professor,

Tyumen state University,

Абстракт. Во всём современном мире прослеживается явная тенденция возрастания интереса к проблематике билингвизма. Теоретические и прикладные аспекты двуязычия в настоящее время все больше привлекают внимание разных специалистов. Цель данной статьи - дать теоретико-методологическое обоснование необходимости изучения состояния валентности глагольной лексики у детей-билингвов, как важного фактора, обеспечивающего развитие речи инофонов в иноэтнической среде. Автором решаются следующие задачи: определены принципы и условия проведения диагностического изучения речевых расстройств, показана роль глагольной лексики в структуре формирования связного высказывания.

Ключевые слова: Актанты, сирконстанты, валентности, инофоны, билингвы, этнолингвокоррекция, глагольная лексика, предикат.

Abstract. Worldwide there is a clear tendency of increasing interest to the problems of bilingualism. Theoretical and applied aspects of bilingualism at the present time, more and more attract attention of different specialists. The purpose of this article is to give theoretical and methodological rationale for the study the state valence of the verbal lexicon in bilingual children, as an important factor contributing to the language development of migrants in the migrant environment. The author of the following tasks: defined the principles and conditions for conducting diagnostic study of speech disorders; the role of verbal language in the structure of formation of coherent speech.

Keywords: Actants, circumstance, valence, migrants, bilingual, ethnolinguistically, verbal vocabulary, the predicate.

Введение. Глаголы в нашей речи служат не только для обозначения действия, но также выражают динамику. Именно глаголы передают определенные действия предметов, а также последовательность событий. Сказуемые в предложении указывают на основной смысл и предложения без глаголов станут просто «пустыми». Для полноценного овладения ребенком связной речью необходимо сформировать у него достаточно богатый глагольный словарь, поскольку система предикатов является доминирующим звеном в раскрытии последовательности любого сюжета. Наиболее эффективное усвоение детьми словаря происходит в дошкольном возрасте, именно в этот период необходимо вести работу по его формированию.

Несмотря на то, что вопросам развития глагольной лексики ребенка посвящено большое количество исследований Гвоздева А.Н., Выготского Л.С., Леонтьева А.А., Цейнтлин С.Н., проблемы изучения общих и специфических особенностей формирования валентности глаголов у детей-билингвов на сегодняшний день не теряют своей актуальности. Мы считаем, что в результате поэтапной работы по формированию валентности

глагольной лексики, дети начинают сознательно использовать в активной речи различные типы грамматически правильно оформленных предложений. Именно «валентности» слов оказываются важным дополнительным фактором, который определяет правильный выбор нужного слова. Поэтому информация о валентностях очень важна при изучении языка, она обязательно должна присутствовать в хорошем словаре ребенка.

Несформированность данной операции затрудняет не только правильное построение различных моделей предложений, но и затрудняет весь речемыслительный процесс в целом. Не зная подчинительных связей глагола, нельзя правильно его употребить.

Особенно ярко это проявляется у детей-билингвов, которые осуществляют свою речевую деятельность в иных (иноэтнических) условиях [Polivara, 2013; Polivara, 2014; Karabulatova, Polivara, 2015; Карабулатова, Поливарова, 2014; Поливарова, 2015; Polivara 2015]. Диагностика уровня развития глагольной лексики у детей-билингвов очень часто носит формальный, поверхностный

характер, без учёта специфики и анализа структуры родного языка, что в свою очередь в значительной степени затрудняет этнолингвистические условия реализации речевой программы инофонов.

Методы и материалы. Основанием для раскрытия технологии формирования валентности глагольной лексики являются работы Ильяковой Н.Е., Филичевой Т.Б., Серебряковой Н.В. а также работы Гвоздева А.Н. и Цейнтлин С.Н., посвященные изучению формирования валентности глаголов. Материал для проведения диагностики составлялся на основе работ Нищевой Н.В., Володиной В.С., Ильяковой Н.Е. и был адаптирован автором применительно языковой специфики респондентов [Polivara, 2012; Polivara, 2014; Поливара, 2015; Polivara 2015].

Обсуждение.

Теория валентности в предикативной лексике занимает в настоящее время одно из ведущих мест в современном языкознании. Существенный вклад в теорию и практику валентностного анализа был сделан в отечественной лингвистике такими учёными как Кацнельсон С. Д., Бурлакова В.В., Мухин А. М. и другие.

В настоящее время существует тенденция приписывать валентные свойства не только глаголу, прилагательному и существительному, но и наречию, предлогу и союзу. Однако, особое внимание лингвистов, как отмечает В. В. Бурлакова в работе «Основы структуры словосочетаний в современном английском языке» [3], продолжают привлекать вопросы валентности глагола – языковой единицы, обладающей наиболее сложными и разнообразными сочетательными возможностями. Организующую роль глагола для большинства предложений как в английском, так и в русском языках, признают большинство лингвистов. Этим определяется, по мнению А. М. Мухина первостепенная необходимость исследования его валентностей, которые должно проводиться в связанных текстах с привлечением статистических данных [12].

Лурия А.Р. в своей работе «Язык и сознание» [10] говорил о факторах, указывающих на то, что многие слова переживаются как неполные и требуют дополнения другими словами, принято говорить как о «валентностях слов», и именно эти валентности в значительной мере определяют то преимущество, с которым всплывают те или иные связанные с ними слова. Именно поэтому «валентности» слов оказываются важным дополнительным фактором, который определяет выбор нужного слова.

Свое начало в лингвистике термин «валентность» ведет от работ французского лингвиста, представителя структурального направления Л.

Теньера, который не только ввел этот термин, но разработал теорию валентности. Своеобразие концепции Л. Теньера в отношении термина «валентность» заключается в специфике трактовки глагола. Согласно теории Теньера, глаголу в предложении принадлежит центральная роль, все остальные члены предложения, включая и подлежащее, подчинены ему. Основное отличие концепции Л.Теньера от традиционной грамматики в том, что в традиционной грамматике выделяются два главных члена предложения – подлежащее и сказуемое, а Теньер считает главным только обозначение действия. Так, исследователь Е.В.Муравленко разъясняет, что в центре предложения всегда находится действие, обозначаемое обычно глаголом. От него прямо или косвенно зависят все остальные члены предложения. В непосредственной зависимости от глагола находятся актанты и сирконстанты. Актанты (дословно «действователи») соответствуют подлежащему и дополнениям в традиционной грамматике, сирконстанты – обстоятельствам. Например, в предложении: (*Утром Соня встретила Мишу*) слова (*Соня и Мишу*) – актанты, (*утром*) – сирконстант. Актанты заполняют две валентности глагола (*встретить*), сирконстант (*утром*) не заполняет никакой валентности: выражение этого смысла не является обязательным при данном глаголе. [11]. Основное отличие концепции Л.Теньера от традиционной грамматики в том, что в традиционной грамматике выделяются два главных члена предложения – подлежащее и сказуемое, а Теньер считает главным только обозначение действия.

В отечественном языкознании термин «валентность» впервые в 1948 году применил С. Д. Кацнельсон, определивший валентность, как способность слова определенным образом реализовываться в предложении и вступать в определенные комбинации с, другими словами. В своей работе «Типология языка и речевое мышление» он указывал, что под содержательной валентностью глагольного значения понимается способность данного глагола сочетаться с именами в той или иной субъектно-объектной функции. Так, например, в одном из своих значений глагол (рубить) предполагает кроме субъекта данного действия еще и прямой объект (например, *дерево, кусты, сучья*), а также орудие, с помощью которого совершается действие (например, *топор или нож*), и, наконец, указание на части объекта, образуемые в результате данного действия (скажем, *на мелкие щепки*).

В отечественном языкознании под валентностью С. Д. Кацнельсон имеет в виду подразумеваемое значением слова или содержащееся в нем указание на необходимость восполнения его сло-

вами определенных типов в предложении. Валентность – это свойство значения, в котором как бы содержатся «пустые места» или «рубрики», нуждающиеся в восполнении, как рубрики в анкете [5].

В.М. Лейкина под термином «валентность» рассматривает сочетательную способность встречаться с другими элементами того же класса. Эта способность предопределяется смысловыми, грамматическими, экспрессивными и стилистическими факторами [6].

Большой научный вклад в становлении и внедрении данного термина внес В. Г. Адмони, который еще в 1958 году, не употребляя сам термин «валентность», писал об обязательной сочетаемости разных частей речи, приводя в качестве примера русское существительное «ряд» в его неопределенно-количественном значении. В. Г. Адмони исследовал сочетательные потенции отдельных частей речи на основе полноты-неполноты их лексического значения [1].

Таким образом, несмотря на существование различных точек зрения на сущность теории валентности, следует признать, что понятие валентности, главным образом, касается семантического содержания глагола. Обобщая весь материал, посвященный введению термина «валентность» в научный обиход, можно сказать, что валентность глагола предполагает точное употребление слова в речевом потоке, в словосочетаниях и в предложениях.

Последнее время в мировой практике большую популярность приобрёл термин «синдром нарушения обработки информации- SJPD» [Gaz, 2014]. Данный синдром даёт объяснения нарушениям сенсомоторной интеграции мозговых структур, в частности, отвечающих за речевые программы, реализация которых невозможна без умения оперирования валентностями глагольной лексики.

Результаты.

Для проведения исследования была определена группа детей-билингвов в возрасте 6 лет в количестве ста человек. Все дети имели языковой опыт общения на русском языке (как не родном) более 1го года, посещали ДООУ, в общении использовали одновременно 2а языка. Наше исследование выявило наиболее типичные затруднения, характерные при использовании глагола для построения предложений. Исследование уровня развития активного словаря глагольной лексики показали, что 50% детей (50 человек) имеют средний уровень, 50% (50 человек) имеют показатели ниже среднего уровня.

Необходимо отметить, что большинство детей, имеющих уровень ниже среднего, по количе-

ству баллов были приближены к его верхней границе. Результаты диагностики активного и пассивного словаря.

Анализ проведенного исследования позволил выявить ряд особенностей употребления глаголов:

- наиболее часто встречающиеся ошибки у детей – замена на звукоподражание (вместо глаголов *ржёт, блеет, гогочет, кудахчет*), которые свойственны детям более младшего возраста.

-при назывании слов-действий, свойственных инструментам, смешивались по значению такие слова: «красят» – «рисуют»; «пишут» – «рисуют»; «пилят» – «режут»; «подстригают» – «режут». Некоторые дети не могли назвать действие, которое выполняют молотком и объясняли его действие так: «чтобы стол стоял», или говорят: «молотком делают так...», далее идет показ действия. Действие, которое выполняет пила, объясняют так: «ей режут»; действие, выполняемое иглой: «чтобы, была пуговица», действие, выполняемое топором, объясняют так: «топором – дерево», пропуская сам глагол.

-при назывании действий людей ошибки допускались в единичных случаях: «врач-лекарства», «продавец-вещи». Опускался глагол.

Развитие пассивного глагольного словаря детей находится на более высоком уровне. То есть одни и те же задания при исследовании импресивной речи выполняются гораздо легче и быстрее и соответствуют условной норме.

Таким образом, результаты первого эксперимента показали, что уровень развития глагольного словаря достаточен для дальнейшего исследования уровня валентности глагольной лексики у детей-билингвов дошкольного возраста.

Анализ проведенного 1 блока исследований (внутреннее программирование отдельных высказываний) позволил выявить ряд особенностей состояния валентности глаголов у детей-билингвов.

Все дети (100%) справились с первыми и вторыми заданиями Субъект – Предикат (подлежащее + глагольное сказуемое), Субъект- Предикат- объект (подлежащее + глагольное сказуемое + прямое дополнение) со второго этапа, а некоторые даже с первого. Показали высокий уровень состояния валентности глагольной лексики. Трудности возникли с последующими заданиями: Субъект-предикат-объект-объект (косвенное дополнение, выраженное существительным в дательном падеже) и Субъект- предикат – объект – объект (косвенное дополнение, выраженное существительным в творительном падеже со значением орудия). Дети справились с заданиями в основном со второго, а иногда с третьего этапа, чем

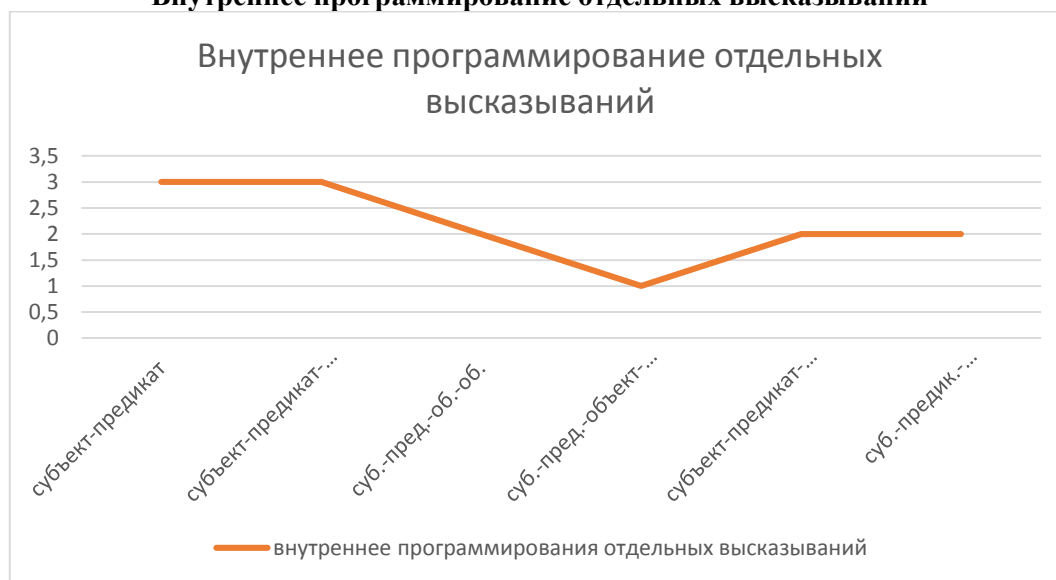
показали уровень ниже среднего. При составлении предложений Субъект-предикат-локатив (подлежащее + глагольное сказуемое + обстоятельство места, выраженное существительным с предлогом) дети с ОНР III уровня справились в основном со 2 этапа, чем показали средний уровень состояния валентности глагольной лексики. Затруднения у них возникли при составлении

предложений: Субъект – предикат – объект – локатив (подлежащее + глагольное сказуемое + прямое дополнение + обстоятельство места, выраженное существительным с предлогом). Дети справились с заданием с третьего этапа.

Результаты первого блока исследования отражены в графике, на примере одного из детей: график №1. Внутреннее программирование отдельных высказываний.

График 1.

Внутреннее программирование отдельных высказываний

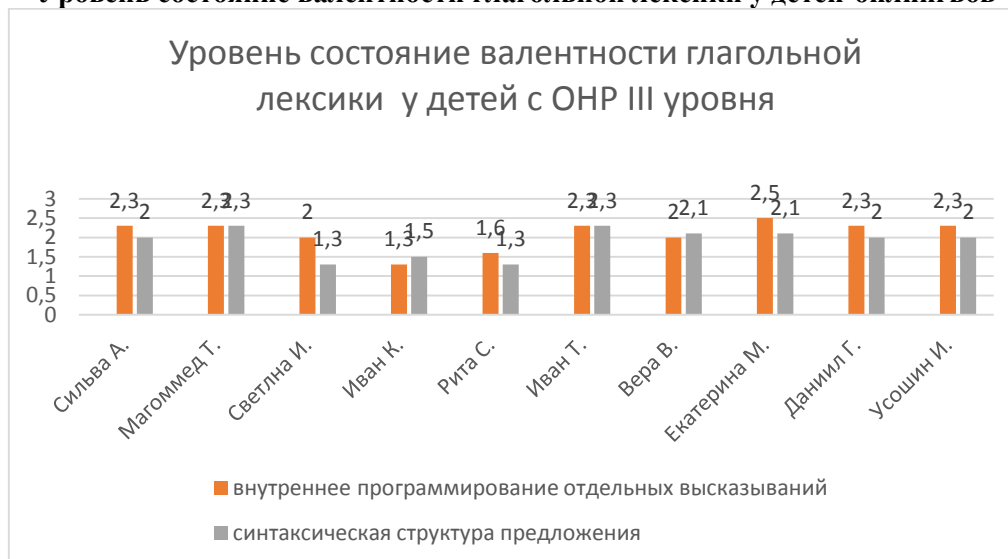

Начало формы

Результаты изучения уровня состояния валентности глагольной лексики отражены в гистограмме №1

Гистограмма 1.

Уровень состояние валентности глагольной лексики у детей-билингвов

Гистограмма №1 нам показывает, что уровень внутреннего программирования отдельных высказываний имеет следующие результаты: 80% детей находятся на среднем уровне, 20% показали уровень ниже среднего.

Таким образом, большинство детей, участвующих в эксперименте, показали средний уровень состояния внутреннего программирования отдельных высказываний. Трудности у детей – билингвов возникают при составлении распро-

страненного предложения: в своих высказываниях они мало используют второстепенные члены.

Анализ второго блока исследований (синтаксическая структура предложения) показал, что у инофонов при составлении предложений из слов в начальной форме появилось много затруднений: дети постоянно нуждались в помощи. Приходилось по несколько раз читать предложения, чтобы они обнаружили ошибки и исправляли их. Часто можно было услышать, что предложение составлено верно, ошибок нет. Больше всего было совершенно ошибок в тех предложениях, где глагол давался в правильной форме, а существительное – в начальной форме: «*Девочка одевает кукла*», «*Света гуляет собака*», «*На кукла красный бант*», «*Карандаш рисует девочка*», «*Яблоко бабушка внучка дает*». Дети просто не замечали ошибок.

Мы предполагаем, что столь многочисленные ошибки можно объяснить аудиальным характером предъявления заданий, затруднением обработки слуховой информации, предъявляемой на другом разноструктурном языке.

Результаты второго блока исследования синтаксической структуры предложения в процентном соотношении показали следующие: 70% детей

показали средний результат, у 30% результат ниже среднего.

Если суммировать все показания второго эксперимента, то можно сделать следующее заключение: состояние валентности глагольной лексики у детей – билингов имеет средние показания. Дети способны к формированию простых предложений, трудности у них возникают при составлении распространенного предложения: в своих высказываниях они мало используют второстепенные члены предложения.

Анализ проведенных исследований позволил нам выявить ряд особенностей в развитии глагольной лексики и состояния валентности глаголов у детей-билингвов.

- Исследования уровня развития активного словаря глагольной лексики показали, что 50% детей (50 человек) имеют средний уровень, 50% (50 человек) имеют показатели ниже среднего уровня. Необходимо отметить, что большинство детей, имеющих уровень ниже среднего, по количеству баллов были приближены к его верхней границе.

- Развитие пассивного глагольного словаря детей находится на более высоком уровне. То есть одни и те же задания при исследовании импресивной речи выполняются гораздо легче и быстрее и соответствуют условной норме.

- Уровень внутреннего программирования отдельных высказываний (с визуальным подкреплением) имеет следующие результаты: 80% детей (80 человек) находятся на среднем уровне, 20% (20 человека) показали уровень ниже среднего.

- Результаты второго блока исследования (синтаксическая структура предложения без визуального подкрепления) показали следующие: 70% детей (70 человек) показали средний результат, у 30% (30 человек) результат ниже среднего.

- Таким образом, уровень состояния валентности глагольной лексики у детей-билингвов находится на среднем уровне. Они способны к формированию простых предложений. Трудности у детей возникают при составлении распространенного предложения: в своих высказываниях они мало используют второстепенные члены предложения.

Заключение. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос влияния билингвизма на речевое развитие ребёнка. Как правило, двуязычные дети развиваются неодинаково [Karabulatoва, Polivara 2013; Karabulatoва, Polivara, 2014; Karabulatoва, Polivara, Zamaletdinov, 2014; Polivara 2014; Karabulatoва, Polivara, 2015]. Билингвы могут иметь как особую лингвистическую одарённость (уже в дошкольном возрасте знают и дифференцированно используют несколько языков), так и выраженные речевые дисфункции. Под влиянием родного языка, у детей-билингвов дошкольного возраста в русской речи встречаются ошибки, связанные с недостаточными этнолингвистическими дифференциациями при использовании валентности глагольной лексики. На это существенно влияют следующие факторы:

- особенности роли и функций первого и второго (по времени усвоения) языков в детском сообществе и внутри семьи;

- степень цивилизации или аккультурации языков, т.е. объём постоянного использования СМИ;

- оторванность говорящего от исходной языковой среды;

- культурный престиж и/или дефицит использования языка за пределами одной культурной среды (диаспоры);

- речевой опыт общения.

- этническое и языковое самосознание и самоидентификация семьи.

Мы полагаем, что характер этнического поведения (социокультурного, прежде всего) также несет в себе специфику усваиваемого языка [Karabulatoва, Polivara, 2015]. Вместе с тем существует, как мы полагаем, субъективно-объективная предрасположенность к усвоению определенного вида языка. Всё выше сказанное требует от

специалиста этнопсихолингвистического и этиопатогенетического анализа речевых дисфункций [Polivara, 2014], обусловленного как социальными факторами, так и сугубо нейрофизиологическими.

Процесс продуцирования речевого высказывания представляет собой многоуровневый процесс, имеющий сложную многоступенчатую структуру [Поливарова З.В., Репина З.А. 2015]. С психолингвистической точки зрения овладение словосочетанием в онтогенезе позволяет расширять и закреплять синтагматические связи между словами, валентности слов, способствует усвоению и закреплению правил грамматического строя речи, является условием усвоения все более усложняющейся структуры предложения, в частности, условием перехода от простого нераспространенного предложения к распространенному. Закрепление словосочетаний облегчает более быстрый выбор слова, так как на основе синтагматических связей одно слово как бы по цепочке «вытягивает» другое слово [14,15].

Характерной особенностью речевого диалекта у детей-билингвов является факт длительного сосуществования предложений грамматически правильно и неправильно оформленных. Эти дети нуждаются в специальных дополнительных лингвокоррекционных занятиях по осознанному формированию различных видов словосочетаний и предложений в русском языке, так как они должны скоро познакомиться с таким явлением как русская письменная речь, где особенностью русского письма будет несовпадение орфографических и орфоэпических норм произношения. Именно поэтому обучение детей –билингвов связной речи, развитие навыков правильного построения предложений — одна из основных задач лингвокоррекции.

Детей необходимо научить определять границы предложения, на основе автоматизированного умения вычленять предикативное ядро из состава предложения, вырабатывается у них осознанный навык оформления и предложения в письменных работах. Для этого предлагается алгоритм анализа предложения «от предиката к субъекту» и вводятся специальные надстрочные знаки, позволяющие установить наглядные связи между составляющими ядра

Таким образом, при проведении лингвокоррекционной работы по формированию валентности глаголов необходимо учитывать современные лингвистические и психолингвистические представления о слове, структуре значения слова, закономерностях формирования глагольной лексики в онтогенезе, особенностях глагольной лексики у дошкольников-инофонов.

Литература:

1. Адмони В.Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы / В.Г. Адмони. // Вопросы языкознания. 1999. – №1. – с. 20-24.
2. Aparicio-Rodriguez J.M., Hurtado-Hernandes V. De L., Maruccuin-Garcia I., Rojas-Rivera G.A., Sanches-Meza P., Rodrigues-Peralta S., Zamudio-Meneses R., Martin-Brieke san W., Urzaez-Rodrigues E., Huitzil-Minoz E. Five opitz G. B.B B syndrome report with two chromosomal abnormalities; x chromosome duplication (47, XXY) and translocation 46 XX,t (3q, 4q). In the: International Journal of Genetics and Molecular Biology, Vol 3(6), pp.: 87-94, July 2011. [article1379511618_Aparicio-Rodr%C3%ADguez%20et%20al.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(6)13/22.pdf) (date of base 05.05.2015)
3. Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке / В.В. Бурлакова – Л.: Высш.школа, 1975. – 123 с.
4. Ильякова Н.Е. Логопедические тренинги по формированию связной речи у детей с ОНР 5-6 лет. От глаголов к предложениям. / Н.Е. Ильякова. – М.: Гном и Д, 2004. – 32 с.
5. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия./ С.Д.Кацнельсон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864с.
6. Karabulatova I.S., Polivara Z.V. Turkic and Slavs: bi-polylinguism in globalization and migrations (on an example of Tumen region). In the: Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 832-836, 2013. ISSN 1990-9233. © IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12263 [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(6\)13/22.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(6)13/22.pdf)
7. Karabulatova I.S., Polivara Z.V., Zamaletdinov R.R. Ethno-Linguistic Peculiarities of Semantic Perception of Language Competence of Tatar Bilingual Children. In the: World Applied Sciences Journal Issue 27 (Education, law, economics, language and communication): 141-145, 2013. ISSN 1818-4952 .© IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.27.elelc29 [http://www.idosi.org/wasj/wasj27\(elelc\)13/29.pdf](http://www.idosi.org/wasj/wasj27(elelc)13/29.pdf) <http://www.idosi.org/wasj/wasj27%28elelc%292013.htm>.
8. Karabulatova I.S., Polivara Z.V. Intraethnic installation of Ukrainian Labour migrants in the preservation of linguistic and cultural identity. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S2, May 2015. – pp.: 142-148. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p142. <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6475/6205>

9. Лейкина В.М. Некоторые аспекты характеристики валентности./ В.М. Лейкина // Вопросы языкознания. – 1988. – №7. – с.10-14.
10. Лурия А.Р. Язык и сознание./ А.Р. Лурия. Под ред. Хомской Е.Д. –М.: Изд-во Моск. унта, 1979. – 320с.
11. Муравенко Е.В. Валентности слова./ Е.В. Муравенко. // Русский язык. – 2009. – №21. – с. 10-14.
12. Мухин А.М. Валентность и сочетаемость глаголов./ А.М. Мухин. // Вопросы языкознания. – 1987. – №6. – 160 с.
13. Нищева Н.В. Глагольный словарь дошкольников. / Н.В. Нищева. – СПб.: Детство-Пресс, 2013. – 105с.
14. Поливарова З.В., Репина З.А. Нейропсихологический подход к изучению вербальной деятельности детей, имеющих речевые дисфункции. In the: European Social Science Journal. 2015. № 2. Том 1.
15. Polivara Z.V. Psychophysiological Mechanisms of Linguistic Modeling of The World Structure in the children-bilinguals with speech dysfunctions. In the: Advances in Environmental Biology. 2014, #8(10) June, pp.: 508-512.
16. Polivara Zinaida V. Synergetic Approach to the Formation of the Normalized Tempo-Rhythmical Organization of Speech in the Russian Language as a Foreign Language of Bilingual Children// Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S4, May 2015. – pp.: 135-146. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s4p135, <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6722/6436>

Рюкина А.А.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ «ГЕРОЯ» В МЛАДОЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ 1920-1930-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ В ПРОЗЕ С. ШАРШУНА «ДОЛГОЛИКОВ»)

*кандидат филологических наук
АГПС МЧС России, г. Москва*

*LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF THE PROBLEM OF «HERO»
IN MLADOEMIGRANTSKY PROSE OF THE 1920-1930 YEARS
(ON POEM MATERIAL IN S. SHARSHUN'S PROSE "DOLGOLIKOV")*

Ryukina Anastasiya

Academy GPS Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены стилиевые приемы создания образа главного героя посредством проведения лексико-семантического и культурологического анализа антропонимов главного героя поэмы в прозе С. Шаршуна «Долголиков». Прослежен генезис литературной категории «героя» литературы «незамеченного поколения». Исследован религиозно-символической характер образной системы С. Шаршуна с позиций организации визуально осязаемого образа главного героя.

ABSTRACT

In article style methods of creation of an image of the main character by means of carrying out the lexico-semantic and culturological analysis of antroponim of the main character of the poem in prose S. Sharshun "Dolgolikov" are considered. Genesis of literary category of "hero" of literature of "unnoticed generation" is tracked. Character of figurative system of S. Sharshun from positions of the organization of visually notable images is investigated religious and symbolical.

Ключевые слова: литературный герой; «незамеченное поколение»; миф.

Keywords: literary hero; "unnoticed generation"; myth.

Проблема героя всегда являлась центральной в художественно-поэтической системе русской литературы. Внимание к человеческой личности как к центру литературных событий провозгласили еще сентименталисты, однако планомерная разработка данной темы писателями началась только в XIX веке в связи с развитием реалистического направления в русской литературе.

Писательская тенденция к изображению все усиливающегося противоречия внешней и «внутренней жизни» героя в русской литературе XIX века стимулировала эволюционное движение в рамках обозначенной литературной категории от типа «маленького человека» к типам «лишнего человека» и «подпольного человека». Проблема

раскола личности героя, которая в XIX веке на содержательном уровне способствовала развитию процесса дальнейшей субъективизации повествования, привела в XX веке к «кризису традиционного повествования» [3, с. 140]. Так, М. М. Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского» (1929, 1963) отмечал, что уже «Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для самого себя» [1, с. 54].

Эта литературная тенденция нашла свое непосредственное выражение в поэтике «молодой эмигрантской литературе», говорить о которой как о «новой литературе», по мнению И. Каспэ, можно, если дать характеристику ее герою, который «призван персонифицировать и новый культурный опыт, и новые техники литературной манифестации этого опыта» [3, с. 140]. Именно через категорию «героя» младоэмигрантские авторы включаются в игру с текстами мировой литературы, что становится возможным благодаря постепенному стиранию границ между личностью автора и героя, активному писательскому вмешательству в художественное пространство текста. И в этом смысле традиция литературной карнализации, которая станет одной из ведущих в постмодернистской эстетике, последовательно развивается уже в эмигрантских текстах. И. Каспэ приходит к выводу о том, что «тем самым зеркалом, в котором постоянно отражается «пустой», «лишенный свойств» персонаж, становится узнаваемая личность писателя» [там же, с. 145]. Поэтому в этой связи личность автора уходит на второй план, приобретает мерцающий, взаимопроникающий характер по отношению к персонажу. Возникающий литературный феномен свидетельствует об «отчаянных пробах самоопределения автора». Таким образом, явление «автофикциональности» позволяет соединить в едином текстуальном пространстве реальность и вымысел, авторские ощущения и переживания героя.

В солипсической эпопее представителя культуры «незамеченного поколения» Сержа Шаршуна (1888–1975) «Герой интереснее романа» мы можем наблюдать, как от произведения к произведению становится заметна эволюция философских и религиозных взглядов самого автора, которые он позволяет озвучивать исключительно своим персонажам. Долголиков, Берлогин, Непоседов являют собой в равной мере образ художника-эмигранта, который наделен автобиографическими чертами.

Поэма в прозе С. Шаршуна «Долголиков» (1918–1934), открывающая его солипсическую эпопею, в духовном становлении автора соответствует периоду перехода «из мистической туман-

ности» к «пронизанной мыслью душевной ясности». Обозначенное направление саморазвития Шаршуна идет от восприятия мира с позиций буддистской религии к антропософскому самоуглублению, питаемому идеями самопознания мира через погружение в себя. И если в «Долголикове» (отрывки – 1930 г.) еще мы видим влияние буддистской религии, вдохновлявшей писателя в числе некоторых русских литераторов на Монпарнасе в начале его творческого пути, то уже «лирическую повесть» «Заячье сердце» (1937) автор завершает гимном исцеляющей душу мысли, которая лежит в основе антропософских принципов бытия, ставших излюбленной философией позднего Шаршуна. В «книге об архангеле Михаиле» Берлогин читает о том, что после распятия Христа «наступила эпоха Михаила», в которой «воодушевление проистекает уже не из мистической туманности, а из пронизанной мыслью душевной ясности» [9, с. 33]. Подобного состояния, по мнению Шаршуна, можно достигнуть, если последовательно воплощать в жизнь антропософские идеи, которыми он увлекался в период написания «лирической повести» «Заячье сердце», представляющей собой в последней редакции заключительную часть эпопеи Шаршуна «Герой интереснее романа». Проследить эти ментальные изменения автора помогает обращение к категории «героя».

Уже во вступлении к поэме в прозе «Долголиков», признанной современниками вершиной литературного творчества С. Шаршуна, становится ясно, что это произведение посвящено не жизнеописанию отдельного человека, точнее, не событийной его части, а развитию внутреннего мира главного героя, который переживает чувство отверженности и одиночества, характерных для целого поколения русских людей, попавших в эмиграцию. То есть реалистический принцип типизации жизни находит продолжение в эстетической системе автора.

В этом смысле показательна фамилия главного героя, которая послужила названием всей поэмы в прозе С. Шаршуна. В ней отразилась основная языковая особенность текста поэмы, ее визитная карточка – наличие сложных, составных существительных и прилагательных, являющихся, в большинстве случаев, авторскими неологизмами. В данном имени собственном можно выделить корни двух слов: «долгий» и «клик». Слово «клик» многозначно: 1. Лицо (устар. и высок.), а также изображение лица на иконах. 2. Перен., книжн.: внешние очертания, видимая поверхность чего – либо. 3. устар. Единое множество, сонм. На наш взгляд, наиболее близки к пониманию смысла фамилии и героя, ее носящего, второе и третье значение слова «клик».

Действительно, образ главного героя – олицетворение, обобщение, собирательный образ русского человека, одаренного в области искусства, вынужденного провести свою жизнь в эмиграции. Мы знаем, что в первой половине XX века в данной ситуации оказалось множество русских людей (третье значение слова «лик» – «единое множество»). Второе значение слова «лик» в сочетании со значением слова «долгий» (в значении «длинный») выводит нас на менее обобщенное понимание фамилии главного героя, позволяя сконцентрировать наше внимание на конкретном образе, отличительной особенностью внешности которого явился большой подбородок, который удлинял лицо Михаила Долголикова так, что оно напоминало «аэроплан» [8, с. 48].

Лицо отражает внутренние изменения человека. Поэтому можно предположить, что лексема «долгий» также указывает на динамичность образа главного героя, постоянно находящегося в развитии. Эту мысль подтверждает обращение к толкованию имени Михаил в труде П. Флоренского «Имена» (1923–1926), где отмечается «двойственность его природы». Философ-богослов подчеркивает, что «тело Михаила не поспевает за внутренними его движениями» [7, с. 330]. Это связано с нерасторопностью и медлительностью манеры поведения носителя данного имени, при произнесении которого сразу возникает в сознании образ медведя. Вспомним, что Долголиков в поэме зовется «внуком российского Дон-Кихота, Обломова» [8, с. 71], горячее сердце и деятельная натура которого мирно покоились на диване дома.

При этом П. Флоренский рассматривает это имя с точки зрения ономастической оппозиции так называемых земных и небесных имен. Он обращает внимание на то, что носители имен «не для земли», к которым он относит и номинацию «Михаил», «не прилаживаются вплотную к окружающим их условиям земного существования» [7, с. 331]. Именно невозможность обрести себя в этом мире является отличительной чертой героя Шаршуна. Он чувствует тягу к прекрасному и гармоничному, но не может найти их отражение в окружающей его действительности. Данная особенность личности Долголикова также заложена в его имени изначально, потому что, согласно Флоренскому, «имя Михаил – противоположность земной косности, с ее и враждебным, и благодетельным торможением порывов и устремлений» [там же]. Упомянув о том, что первым носителем данного имени явился Архангел Михаил, философ-богослов заключает, что имя Михаил «самой этимологией своей указывает на высшую меру духовности, на особливую близость к Вечному» [7, с. 331].

Более четко обозначить связь двух образов – литературного и религиозного – нам поможет обращение к изобразительному искусству, представленному техникой создания иконописных образов. В иконописи с Архангелом Михаилом связаны сцены Страшного суда, битвы с драконом, а потому наиболее часто данный образ представляется держащим трость-копье или меч в одной руке и особую сферу-зерцало в другой. Однако в «деисусных чинах» Архангел Михаил может запечатлеваться безоружным с зеркалом в руке. Именно зеркала всегда привлекали внимание Долголикова с раннего детства и на протяжении всей жизни (глава 9 «Русский Нарцисс»). Наконец, в довершение связи начальной и финальной частей эпопеи с помощью этого религиозного образа снова обратимся к девятой главе повести «Заячье сердце». В сознании Шаршуна Архангел Михаил – «предводитель духовно ищущих», потому что, начиная с «эпохи Михаила», которая наступила после распятия Христа, человек «может возноситься над самим собой» [9, с. 33]. А разве не прямая реализация данной возможности показана в финале поэмы «Долголиков» в интерпретации образа Человека-Птицы? И можно позволить себе совсем смелое предположение, что, возможно, в столь загадочном образе угадывается и сам Архангел Михаил. Если убрать религиозный подтекст, изображение ангелов и представляет собой человека с крыльями, каким показался первый раз народу Человек-Птица Шаршуна. Именно данный образ, по нашим представлениям, являет собой высшую стадию духовных устремлений Долголикова. Кроме того, введение образа Архангела не противоречит эстетике Шаршуна, которая строится на принципах «синтеза искусств».

Обращение к этимологии имени главного героя данной поэмы выводит нас на религиозно-философский уровень рассмотрения образа Михаила Долголикова. Наличие корня лик- в его фамилии, а также упорное концентрирование нашего внимания автором на особенностях строения его «лица», учитывая тот факт, что младоземлянский автор становится «зеркалом, в котором постоянно отражается «пустой, «лишенный свойств» персонаж, как отмечает И. Каспэ, [3, с. 145], в поэме Шаршуна можно увидеть обращение к «триаде» «лик/лицо/личина». По мнению К. Г. Исупова, в русской культурной традиции она рассматривается как «мифологема христианской антропологии и психологии, тринитарной теологии, философии творчества и литературной эстетики личности» [2, с. 403]. Согласно концепции П. Флоренского, в данной триаде прочитывается три уровня проявления абсолютного в конкретной личности. С понятием Лика он связывает проявление высшей духовной сущности. В Лице

он видит «то, чем являются нам реальности здешнего мира». С понятием Личины он связывает проявление демонического начала человека, свободного от божественного влияния и открывающего дверь в пустоту «как в смысле физической вещественности, так и в смысле метафизической субстанциональности» [6, с. 434].

Михаил Долголиков является характерным «героем эмигрантской молодой литературы», который соединяет в себе черты «внутреннего человека» и «подпольного человека», по мнению И. Каспэ [3, с. 68]. Возможно, выведение слова «лик» в качестве словообразующего корня его фамилии актуализирует именно духовную ипостась образа главного героя Шаршуна.

Первые упоминания о «внутреннем человеке» как о начале бессмертном и духовном в противоположность «внешнему человеку», представляющего собой личину, отягощенную мирской суетой и грехами, мы находим в библейских текстах: «но аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется» (2 Кор. 4, 16); «потаянный сердца человек» (1 Пет. 3, 4) [5, с. 85]. Богослов Н. Е. Пестов в книге «Современная практика православного благочестия» замечает, что «внутренний» человек бежит развлечений, в какой-то мере ему всегда необходимо уединение, чтобы уйти из внешнего мира, <...> погрузиться в свой внутренний мир» [4, с. 253]. Так и Долголиков стремится посредством факторов внешнего воздействия, в качестве которых рассматриваются созерцание картин природы, прогулки вдоль рек, прослушивание музыки, в творчестве погрузиться в глубины своего «Я».

С. Шаршун в поэме в прозе «Долголиков» творит свою неомифологию. По мнению философа А. Ф. Лосева, миф представляет собой творческое пространство личности, которое состоит из плодов ее деятельностного осмысления мира. История личности с точки зрения мифа может

быть представлена бесконечным числом оформленных новообразований, разнообразие которых будет расти в зависимости от выбора пространственно-временного ориентира. Этим и объясняется возможность рассмотрения образа Михаила Долголикова в тексте поэмы на фоне широкого культурного и историко-литературного контекста.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.
2. Исупов, К. Г. Лик–лицо–личина [Текст] / К. Г. Исупов // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Университетская книга; ООО Алетея, 1998. – С. 403.
3. Каспэ, И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы [Текст] / И. Каспэ. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 192 с.
4. Пестов, Н. Е. Современная практика православного благочестия [Текст]: в 2 т. – Т. 1 / Н. Е. Пестов. – М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. – 736 с.
5. Седакова, О. А. Церковнославяно-русские паронимы [Текст]: Материалы к словарю / О. А. Седакова. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. – 432 с.
6. Флоренский, П. А. Иконостас [Текст] / П. А. Флоренский // Соч. в 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 419–527.
7. Флоренский, П. А. Имена [Текст] / П. А. Флоренский // Соч. в 4 т. – Т. 3 (2). – М.: Мысль, 2000. – С. 169–357.
8. Шаршун, С. Долголиков [Текст] / С. Шаршун. – Париж: Вопрос, 1961. – 164 с.
9. Шаршун, С. Заячье сердце [Текст]: лирическая повесть / С. Шаршун. – Париж: Вопрос, 1937. – 92 с.

Хруненкова А.В.

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ТЕКСТАХ «АТКРЫТОК»

*кандидат филологических наук, доцент
СПбГУ, г. Санкт-Петербург*

THE TRANSFORMED PROVERBS AND SAYINGS ARE IN TEXTS OF "ATKRITKI"

Khrunenкова Anna

*Candidate of Philological Sciences, assistant professor of
St. Petersburg State University, Saint-Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются трансформы паремий, употребляемые в текстах «аткрыток», являющихся достаточно новым сетевым жанром. В качестве языкового материала автором были отобраны традиционные паремии с компонентом друг (друзья) и был проведен структурно-семантический и функциональный анализ данных единиц. В результате исследования трансформированных паремий были выделены тематические группы и выявлены наиболее частотные способы образования трансформаций.

ABSTRACT

The article shows the transformed paroemiae, used in texts of "atkritki", being a new enough network genre. As language material the traditional paroemiae with a component friend (friends) were selected by the author and then the structural-semantic and functional analysis of these units was conducted. As a result of research of the transformed paroemiae thematic groups were distinguished and the most frequency methods of formation of transformations were identified by the author of this article.

Ключевые слова: пословица, поговорка, паремия, трансформ, Интернет, «аткрытка».

Keywords: proverb, saying, paroemia, transform, the Internet, "atkritka".

Как известно, паремии представляют вербализованную мудрость народа, передающуюся из поколения в поколение и являющуюся сводом морально-этических норм поведения, служащим для формирования социально и культурно адаптированной и адекватной личности. С точки зрения проявления национально-культурной специфики, паремии – это наиболее маркированный пласт языка, который, по мнению В.Н. Телия, способствует «межпоколенной трансляции культурно значимых установок» [4, с. 14]. Однако со временем меняются уклад жизни, традиции народа, требования к социальной роли, происходит переосмысление духовных ценностей и жизненных ориентиров, отмечается детабуизация отдельных моральных принципов, что находит отражение в изменении значения, а иногда и структуры паремиологических единиц.

Современные трансформы паремий дают представление об актуальных процессах в жизни страны и общества: культуре, политике, экономике, образовании, спорте, новых увлечениях молодежи, об отношении носителей языка к происходящим событиям и друг к другу. Переосмысленные пословицы и поговорки просто, броско, узнаваемо и запоминающе передают важную информацию, волнующую людей в определенный период времени. Можно сказать, пословично-по-

говорочные трансформы – это, как правило, шуточные паремии, образованные по модели прото-пословиц и поговорок, содержание которых в большей степени приближено к современным реалиям жизни и отражает нынешние культурные, экономические и социально-политические установки.

Американский паремиолог В. Мидер подчеркивает, что «шутливая или серьезная игра с пословицами отнюдь не нова, но можно констатировать, что критическое противостояние старой мудрости принимает в наши дни особо заметные масштабы» [Цит. по: 1, с. 4]. В условиях мгновенного распространения информации через современные масс-медиа, включая Интернет-пространство, в котором не всегда соблюдаются цензурные запреты, языковые нормы и уважение к Интернет-пользователям, «смеховая культура, – как отмечают Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, – особенно претендует на право приоритетности и языковой новизны» [1, с. 7], при этом наиболее «смехотворными» являются трансформации, в которых носителями языка легко узнаются прототипы классических пословиц. По мнению исследователей, пословично-поговорочные «переделки» появились «не только как протест против банального здравого смысла и назидательного тона традиционной «народной мудрости», но и как веселая языковая игра, очищающий катарсис, карнавальная речевая

маска уставшего от «серьезностей» и трагедий повседневной жизни Человека» [Там же].

Активное употребление трансформов паремий наблюдается в публицистике и Интернете, как наиболее близких к разговорному стилю. Цель создания данных трансформаций заключается, с одной стороны, в шутовском обыгрывании традиционных пословичных суждений, направленном на привлечение внимания читателя к существующей проблеме или происходящему событию, с другой стороны, современное творческое переосмысление протопаремий способствует обличению и высмеиванию пороков современного общества.

В данной статье рассмотрим трансформы паремий, образованные от традиционных паремий с компонентом *друг (друзья)* и активно употребляемые в настоящее время в Интернет-жанре *Atkritka* («Аткрытка»).

«Аткрытка» – это достаточно новое явление для русскоязычного Интернета, сочетающее в себе одновременно вербальное и визуальное воздействие на адресата. Русскоязычная версия сайта *Atkritka.com* возникла на основе адаптации сервиса *Someecards.com* (электронные открытки определенного стиля, которые можно бесплатно отправлять своим друзьям в социальные сети), придуманного в 2007 году Б. Лунди и Д. Митчеллом. В России правила оформления «аткрыток» сохранились, но содержание изменилось полностью. Англоязычные «аткрытки» – это забавные пожелания в отличие от русскоязычных «аткрыток» – острых шуток на злобу дня, семантически и прагматически связанных с иллюстрацией. Текст «аткрытки», рассчитанный на широкий круг пользователей сети Интернет, может быть создан любым Интернет-пользователем. В «аткрытках» текст высказываний основывается в основном на языковой игре, к которой могут быть отнесены: обыгрывание функциональных стилей речи, речевых клише, словообразовательных моделей, омонимов и полисемантических слов, неологизмов и заимствованных слов, а также обыгрывание реминисценций, крылатых слов, фразеологизмов и паремий. По мнению Д.В. Колесовой, с точкой зрения которой трудно не согласиться, «аткрытки» «сродни анекдотам двадцатого века» как по способу достижения комического эффекта, так и по использованию прецедентных феноменов [2, с. 47].

Материалом для нашего анализа послужили более 380 пословиц и их варианты с компонентом *друг (друзья)*, отобранные из Большого словаря русских пословиц В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной и Е.К. Николаевой [3, с. 299-305]. Отметим, что из подвергшихся анализу пословиц только 4

традиционные паремии с компонентом *друг (друзья)* были переосмыслены, творчески обыграны и представлены на сайте *Atkritki.com*. Среди них такие паремиологические единицы, как *не имей сто рублей, а имей сто друзей; друзья познаются в беде; скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты и старый друг лучше новых двух*. Высококачественное употребление трансформов паремий вышеуказанных пословиц свидетельствует о том, что протопословицы быстро и легко узнаваемы носителями языка, что позволяет адресату правильно расшифровать словесный минитекст и увидеть комический эффект, заложенный в содержании высказывания.

Друг в понимании традиционных паремий рассматривается как одна из самых важных и дорогих жизненных ценностей. Пословицы и поговорки учат ценить и уважать друга, помогать другу, беречь друга, делиться с другом самым дорогим, что у нас есть, жертвовать многим ради друга. В трансформированных паремиях делается акцент на новые современные реалии. Так, к наиболее актуальным вопросам, обыгрываемым в пословичных трансформах и представленным в «аткрытках», относятся следующие тематические группы:

1. **Образование:** *Друзья познаются в ЕГЭ; Скажи мне кто твой друг, и оба отчислены* (здесь и далее примеры, взятые нами с сайта *Atkritka.com*).

2. **Деньги: отношение к деньгам, способы вложения денег:** *Не имей 100 рублей, не смеши людей; Не имей 100 рублей, а давай их пропьем*.

3. **Извлечение выгоды из дружбы:** *Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей. Каждый даст по 100 рублей, будет 10 косарей; Друзья познаются в цене; Друзья познаются в еде; Скажи мне, кто ты, и я скажу, кто твой друг. – Я миллионер! – Я твой друг*.

4. **Дружба в социальной сети:** *Друг познается в беде, а не ВКонтакте; Друг познается в ньюсфиде*.

5. **Характеристика человека в зависимости от его окружения и совершаемых им действий:** *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, какой ты; Скажи мне, что ты ищешь в Интернете, и я скажу, кто ты*.

6. **Жизненные ценности:** *Друзья познаются в беде... И чем сложнее беда, тем точнее идет сортировка; Друг познается в беде. Герой – в битве. Жена – в бедности. Муж – в декрете*.

7. **Настоящая дружба:** *Старый друг лучше двух подруг*.

8. **Отношение мужчин к женщинам:** *Старый друг лучше новых двух. С подругами всё наоборот; Друг познается в беде, подруга – в критические дни...*

9. Возраст: *Старый друг старше новых двух.*

Проанализировав данные тематические группы, можно сделать вывод о том, что меняется время, ценности, и язык незамедлительно реагирует на актуальные события, происходящие в жизни общества. Современные трансформированные паремии отражают понимание, видение и взгляды людей на окружающую действительность. Шуточные паремии позволяют иронически посмотреть на ценности сегодняшнего времени, они высмеивают жизненные условия, в которых находится народ, и их финансовое положение.

Среди наиболее частотных структурно-семантических способов, участвующих в образовании трансформаций, отобранный нами иллюстративный материал позволил выделить следующие типы:

1. Замена одного из компонентов или двух и более компонентов:

- **в конце предложения:** *Друзья познаются в ... (еде, цене, ньюсфиде, ЕГЭ и т.д.); Старый друг лучше ... (двух подруг); Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, ... (какой) ты.*

- **в середине предложения:** *Старый друг ... (старше) новых двух; Скажи мне, (что ты ищешь в Интернете), и я скажу, кто ты.*

Следует отметить, что данный способ наиболее часто используется для создания комического эффекта.

2. Расширение компонентного состава

- **за счет образования трансформаций, созданных по модели протопословицы:** *Друг познается в беде. Герой – в битве. Жена – в бедности. Муж – в декрете; Друг познается в беде, подруга – в критические дни...*

- **путем добавления конструкции с противительным союзом «а»:** *Друг познается в беде, а не ВКонтакте.*

- **с помощью добавления конструкции, полностью меняющей смысл традиционной**

паремии: *Старый друг лучше новых двух. С подругами всё наоборот.*

- **с помощью добавления конструкции, уточняющей значение протопаремии:** *Друзья познаются в беде... И чем сложнее беда, тем точнее идет сортировка.*

3. Создание минидialogа: *Скажи мне, кто ты, и я скажу, кто твой друг. – Я миллионер! – Я твой друг.*

Таким образом, проанализировав трансформированные паремии с компонентом *друг* (*друзья*), представленные на сайте Atkritki.com, можно заключить, что данные трансформы обладают значительным лингвокультурологическим потенциалом и появляются на злобу дня, что позволяет нам обратить внимание на изменение национального мировидения, менталитета, самосознания, самооценки и увидеть изменение ценностных предпочтений в жизни современного человека. В шутливой форме создатели «аткрыток» показывают свое отношение к новым реалиям, что, с одной стороны, привлекает внимание получателя данной «аткрытки», а с другой – заставляет задуматься о происходящих изменениях и новых предпочтениях, прошедших «естественно-культурный» отбор и ведущих к смене культурной парадигмы.

Список литературы:

1. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб., 2005. – 576 с.

2. Колесова Д.В. Аргументативный текст: особенности композиции в современном дискурсе // Филологический класс № 4, 2014. С. 45-49.

3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 288 с.

Шугаева Е.А.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ В ПЕЧАТНОЙ ПРЕССЕ ФРАНЦИИ

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», г. Москва

PRAGMATIC PECULIARITIES OF EXPRESSION OF THE SPEECH ACT OF WARNING IN THE PRESS OF FRANCE

Shugaeva Ekaterina

assistant professor of Moscow State University

of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy, Moscow

АННОТАЦИЯ

При осуществлении речевого акта предостережения, иллокутивная цель говорящего заключается в стремлении побудить слушающего к совершению некоторого действия, ввиду существования потенциальной опасности для слушающего. В печатной прессе речевой акт предостережения имеет отличительные прагматические черты, зависящие от особенностей данного типа коммуникации, которые заключаются в высокой степени объективности, использовании типов предостережения с высокой уровнем эксплицитности, ограниченном употреблении повелительного наклонения глагола,

ABSTRACT

In case of the speech act of warning the speaker's illocutionary goal consists in striving for inducing the listener to the accomplishment of some action in view of some potential danger for the listener. In the press the speech act of warning has some pragmatic distinctive features depending of the peculiarities of this type of communication which consist in high level of objectivity, using types of warning with high level of explicitness, limited use of the imperative mood.

Ключевые слова: речевой акт; предостережение; прагматика.

Keywords: speech act; warning; pragmatics.

Проблема единиц речевой деятельности и единиц речевого общения была поставлена в рамках коммуникативно-функциональной научной парадигмы, которая рассматривает язык как средство деятельности субъекта для достижения своих коммуникативных целей. Согласно теории речевых актов, способом достижения определенной внеязыковой цели является речевой акт, состоящий в произнесении говорящим высказывания в ситуации непосредственного общения со слушающим. Речевой акт определяется как «минимальная основная единица речевого общения, в которой реализуется одна коммуникативная цель говорящего и оказывается воздействие на адресата» [2, с. 57].

В теории речевых актов речевой акт рассматривается прежде всего как способ достижения говорящим определенной внеязыковой цели – как иллокутивный акт. Самым существенным моментом в иллокуции является коммуникативное намерение говорящего, которое в соответствии с его замыслом подлежит распознаванию со стороны слушающего.

При осуществлении речевого акта предостережения, иллокутивная цель говорящего заключается в стремлении побудить слушающего к

совершению некоторого действия, ввиду существования потенциальной опасности для слушающего. Кроме того, предостережение, согласно Е. И. Беляевой [1, с. 15], обладает следующими характеристиками: приоритетность говорящего, необязательность выполнения и направленность на благо адресата.

Следовательно, для осуществления речевого акта предостережения говорящий может включать в свое высказывание такие элементы как описание желательного для слушающего действия, описание негативного результата в случае невыполнения побуждения говорящего, описание потенциально опасной ситуации. В зависимости от наличия или отсутствия в высказывании данных элементов возможны следующие типы предостережений:

1) «Действие – Негативный результат»

Говорящий соединяет некоторое действие (а) и связанный с ним негативный результат (b). При этом данное действие может быть передано либо описательно (1), либо при помощи повелительного наклонения глагола (2).

(1) (a) Si nous nous laissons faire, (b) nous serions rapidement ridicules devant les femmes. [5, с.

31] 'Если мы уступим, мы быстро станем посмешищем для женщин'. (Здесь и далее перевод наш. – Е. Ш.)

(2) (a) Ne crie pas, (b) tu vas le faire pleurer. [6, с. 238] 'Не кричи, ты доведешь его до слез'.

2) «Действие»

Говорящий явно выражает свое стремление повлиять на действия адресата при помощи повелительного наклонения глагола, но опускает описание негативного результата. Определение данного типа речевого акта как предостережения зависит от контекста, поскольку вне ситуации подобные фразы могут использоваться как любой из директивных речевых актов.

(3) Ne vous approchez pas ! [7, с. 8] 'Не подходите!'

Понимание, от какого негативного результата предостерегает говорящий, достигается благодаря знанию ситуации. В примере (3) рабочий предостерегает девушку, потому что ведутся строительные работы и ожидается взрыв.

3) «Негативный результат»

В данном случае эксплицитно определяется лишь отрицательный результат, а способы его избегания подразумеваются известными адресату.

(4) Nous allons peut-être rencontrer un domestique dans le couloir. [3, с. 65] 'Мы можем встретить слугу в коридоре'.

4) «Описание потенциально опасной ситуации»

В данном типе выражения речевого акта предостережения имплицитными остаются и действие, нежелательное для совершения, и возможный негативный результат. Говорящий описывает существующую потенциально опасную ситуацию и ожидает, что слушающий понимает сам, какими негативными последствиями грозит ему данная ситуация, а также, что слушающему известны способы, как избежать опасности в подобной ситуации.

(5) Elle te fait du chantage. [4, с. 115] 'Она тебя шантажирует'.

На выбор типа предостережения влияют такие факторы как социальный статус коммуникантов, общие фоновые знания, ситуация общения.

В печатной прессе речевой акт предостережения имеет отличительные прагматические черты, зависящие от особенностей данного типа коммуникации. Знание данных особенностей входит в прагматическую компетенцию журналиста.

В печатной прессе адресант (журналист) обращается к коллективному абстрактному адресату (читателю). Знание ситуации ограничивается содержанием статьи, подразумевается, что у адресата имеются общие энциклопедические и фоновые знания.

Ограниченное знание ситуации ведет к повышению доли эксплицитной информации. Читателю предлагается описание потенциальной опасности (a) и ее негативного результата (b).

(6) (a) Le froid peut également être responsable de (b) gelures, et d'une aggravation des problèmes cardiovasculaires. (*Le Parisien*, 06.12.2012) 'Холод может в равной мере вызвать как обмороживание, так и обострение сердечнососудистых заболеваний'.

(7) (a) Une consommation élevée de fructose favoriserait (b) le diabète (*Le Monde*, 30.11.2012) 'Повышенное потребление фруктозы может способствовать появлению диабета'.

Одним из основных условий является объективность предъявляемой информации. В случае речевого акта предостережения дается информация о существовании потенциальной опасности. Для достижения наибольшей объективности говорящий снимает с себя ответственность за содержание предостережения и ссылается на соответствующую компетентную службу, конкретного ее представителя-эксперта, на проведенные исследования и т. д.

(8) L'agence du médicament appelle à la prudence car les médicaments destinés à dilater la pupille peuvent causer des troubles graves chez les jeunes enfants. (*Le Figaro*, 21.11.2012) 'Агентство медикаментов призывает к осторожности, поскольку медикаменты для расширения зрачков могут вызвать серьезные нарушения у маленьких детей'.

(9) Selon une étude commencée en 1991, manger plus de trois fois par semaine dans des fast-foods augmente le risque de souffrir d'asthme, de rhinite et d'eczéma. (*Le Point.fr*, 14.01.2013) 'Согласно исследованию, начатому в 1991 году, посещение ресторанов быстрого питания более трех раз в неделю повышает риск развития астмы, ринита и экземы'.

Возможно употребление повелительного наклонения, однако его использование ограничено, поскольку оно обычно служит для выражения приказа, распоряжения и ассоциируется с определенным давлением на адресата, что не допускается в прессе. Поэтому в повелительном наклонении используются глаголы, которые являются маркерами речевого акта предостережения, указывают, что высказывание должно пониматься именно как предостережение, подразумевающее направленность на благо адресата и необходимость исполнения, а не приказ, не распоряжение, не угроза.

(10) Après les débuts de grippe saisonnière, prenez garde à la varicelle. (*Le Parisien*, 31.10.2012) 'После начала сезонного гриппа остерегайтесь ветряной оспы'.

В заголовках статей предостережение может быть дано как описание потенциальной опасности, при этом ее причины и способы преодоления рассматриваются в тексте статьи.

(11) Risque de nouvelles flambées de grippe aviaire. (*Le Parisien* 29.01.2013). 'Риск новых вспышек птичьего гриппа'.

(12) Tatouer n'est pas jouer (*Le Monde*, 31.08.2012). 'Татуировка не игрушка'.

Таким образом, можно сделать вывод, что особенности выражения речевого акта предостережения в печатной прессе заключаются в следующем:

- ограниченное употребление повелительного наклонения глагола из-за его ассоциирования с приказами и распоряжениями;

- использование типов предостережения с высоким уровнем эксплицитности (описание потенциальной опасности и/или ее негативного результата) ввиду ограниченной возможности извлечения имплицитной информации из ситуации, что связано с особенностями типа коммуникации;

- высокая степень объективности, достигающаяся за счет передачи ответственности за со-

держание предостережения компетентным службам, их представителям-экспертам и проводимым исследованиям.

Знание данных особенностей входит в прагматическую компетенцию журналистов, поскольку помимо знания «что» следует сказать/написать необходимо знание «как» это сказать/написать.

Литература:

1. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. – Воронеж, 1992. – 168с.

2. Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. – Павлодар, 2002. – 140с.

3. Anouilh J. Le bal des voleurs. – Paris: Folio, 1973. – 218 p.

4. Besnehard D. Internat. L'ourse blanche. – Paris: Edilig-Collection Théâtrales, 1989. – 125 p.

5. Billetdoux F. Le comportement des époux Bredburry. Comédie en quatre actes – Paris: ACTES SUD - PAPIERS, 1991. – 87 p.

6. Calaferte L. Théâtre complet Pièces intimistes. – Blois: Hesse, 1993. – 401p.

7. Pagnol M. La fille du puisantier. – Paris: Editions deFallos, 1989. – 130p.

ISSN 95420762

МНО «Наука без границ»

Ежемесячный научный журнал

№ (1) 10 / 2016

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П.

 Азарова Э.Н. – д.ф.н.

 Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН

 Михайлова Т.Н. – д. ф. н.

 Незамичев К.К. – д.п.н.

 Остюшкин Д.П. - д.ф.н.

 Петрусинская Н.Я. – д.п.н.

 Поганяйло С.О. – д.филос.н.

 Самроский Д.Ю. – д.и.н.,

 Чижиков П.П. – д.п.н.

 Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН

 Шелудько О.З. – к.ф.н.

 Шевцова О.В. – д.полит.н.

 Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Ответственный редактор: д.фил.н. Андреева И.В.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 5